

Израильское отделение
Академии экосоциальных технологий

ВЯЧЕСЛАВ ДАВЫДОВ
(БАРУХ)

ГОЛДА,

МАТЬ ИЗРАИЛЯ

ПЬЕСА ИЗ ИСТОРИИ СИОНИЗМА
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ТЕЛЬ-АВИВ
2024

УДК 338.1+316.42

ББК 66.01

Д 13

Давыдов (Барух) В.П. Голда, мать Израиля: Пьеса из истории сионизма в двух действиях. Тель-Авив, Израильское отделение Академии экосоциальных технологий / Серия книг: нравственный путь человечества. – Санкт-Петербург, 2024. – 90 с.

Приступая к работе над пьесой, автор поставил целью восстановить историческую справедливость, показать, как на самом деле развивались события перед войной Судного дня, в течение войны и по ее завершению, и каково было участие в них Голды Меир в должности премьер-министра Израиля. Достоин всяческого признания ее поступок, когда она, повинувшись внутреннему голосу совести, несмотря на положительный отзыв комиссии Аграната о ее деятельности в период войны, взяла на себя всю ответственность за провалы и приняла мужественное решение уйти в отставку с поста премьер-министра. При этом пьеса не ограничивается периодом этой войны. В ней автор воздает должное заслугам Голды, - тому, как много она сделала, занимая разные посты, для создания, обороны и развития Израиля, для увеличения репатриации в страну, бескомпромиссной борьбы с терроризмом и антисемитизмом. Не случайно Голду еще при жизни стали называть матерью Израиля.

УДК 338.1+316.42

ББК 66.01

© Давыдов (Барух) В.П., 2024

ISBN 5-7199-0259-76

Серия книг: нравственный путь человечества

Информационно-издательский центр Института нравственной культуры

Подписано в печать 01.12.2023. Формат А1. Объем 10,74 п.л.

Заказ ИО АЭСТ № 3. Тираж электронный

Благотворительный выпуск для добровольцев нравственного пути.

Подготовлено в Израильском отделении Академии экосоциальных технологий

Предисловие

Победы обеспечивает нравственное превосходство. Это превосходство обеспечивается проведением нравственной политики – вот подлинная сила государства. Люди присоединяются сами вместе с территориями к такому государству. Без проведения нравственной политики стране не выжить.

П.И. Юнацкевич

Президент Академии экосоциальных технологий
Санкт-Петербург, 2024

ОТ АВТОРА

Не без волнения я представляю читателям свою новую пьесу «Голда, мать Израиля». Она входит в серию пьес «Из истории сионизма» вместе с написанными до нее пьесами «Один против всех» (о Владимире Жаботинском) и «Герой духа» (об Иосифе Трумпельдоре).

Я не случайно обратился к драматической судьбе Голды Меир, чье пребывание на посту премьер-министра Израиля совпало по времени с войной Судного дня, оказавшейся очень тяжелой для страны, понесшей огромные потери. Несмотря на очевидную победу Израиля в этой войне, до сих пор израильскими историками, политиками и журналистами неоднозначно оценивается роль Голды в войне, включая провал военной разведки, неподготовленность армии к внезапному нападению Египта и Сирии и ошибки руководства страны в ходе войны.

Приступая к работе над пьесой, я поставил целью восстановить историческую справедливость, показать, как на самом деле развивались события перед войной Судного дня, в течение войны и по ее завершению, и каково было участие в них Голды Меир в должности премьер-министра Израиля. Достоин всяческого признания ее поступок, когда она, повинувшись внутреннему голосу совести, несмотря на положительный отзыв комиссии Аграната о ее деятельности в период войны, взяла на себя всю ответственность за провалы и приняла мужественное решение уйти в отставку с поста премьер-министра. При этом пьеса не ограничивается периодом этой войны. В ней я воздаю должное заслугам Голды, - тому, как много она сделала, занимая разные посты, для создания, обороны и развития Израиля, для увеличения репатриации в страну, бескомпромиссной борьбы с терроризмом и антисемитизмом. Не случайно Голду еще при жизни стали называть матерью Израиля. Как и в предыдущих моих пьесах, главным двигателем действия становится Слово Голды, ее многочисленные выступления и встречи. Общественная деятельность Голды Меир предстает в пьесе в сочетании с ее нелегкой семейной жизнью, как жены и матери двух детей. Пьеса завершается Эпилогом, в котором звучит закадровый голос, зачитывающий Заявление израильского правительства по случаю 30-летия со дня ее смерти в 1978 году. В Заявлении правительства дается объективная оценка государственной деятельности Голды Меир, снимаются незаслуженные обвинения в ее адрес и восстанавливается ее доброе имя.

В процессе работы над пьесой автор опирался на воспоминания Голды «Моя жизнь» и использовал посвященный ей огромный документальный материал, почерпнутый из интернета. Поднятые в пьесе проблемы войны и мира с арабами остаются актуальными и в наше сложное время, когда Израиль ведет войну на несколько фронтов за свое существование.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Голда Меир - премьер-министр Израиля
Моррис Мейерсон - муж Голды
Менахем - сын Голды
Сара - дочь Голды
Зехария - муж Сары
Давид Бен-Гурион - первый премьер-министр Израиля
Залман Шазар - бывший президент Израиля
Моше Шарет - министр иностранных дел
Моше Даян - министр обороны
Давид Элазар (Давид) - начальник генерального штаба
Эли Заира - начальник военной разведки АМАН
Игаэль Ядин - начальник оперативного отдела Хаганы
Израэль Галили - командующий Хаганы
Игаль Алон - заместитель премьер-министра, генерал в отставке
Хаим Бар-Лев - бывший начальник Генерального штаба
Бени Пелед - начальник ВВС Израиля
Симха Диниц - посол Израиля в США
Менахем Бегин - глава правого блока ГАХАЛЬ
Шимон Агранат - председатель Государственной следственной комиссии
Джон Кеннеди - президент США
Ричард Никсон - президент США
Генри Киссинджер - Государственный секретарь США
Андрей Громыко - представитель Советского Союза в ООН
Илья Эренбург - советский еврейский писатель
Полина Жемчужина - жена министра иностранных дел СССР В.М.Молотова
Леонид Брежнев - Генеральный секретарь ЦК КПСС
Папа Римский Павел У1
Бруно Крайский - канцлер Австрии
Абдалла 1 - король Иордании
Хусейн - король Иордании
Гамаль Абдель Насер - президент Египта
Анвар Садат - президент Египта
Хафез Асад - президент Сирии

Действие пьесы происходит в доме Голды Меир в Тель-Авиве в день ее рождения 3 мая 1974 года и охватывает почти весь период ее жизни и общественной деятельности.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1974 год, 3 мая. Прохладный вечер после жаркого дня. Просторный дом Голды Меир в Северном Тель-Авиве. Голда сидит в кресле возле круглого стола и отмечает день своего рождения спустя три недели после отставки с поста премьер-министра Израиля. Ей исполняется 76 лет, но, несмотря на возраст и болезни, она продолжает много и непрестанно курить. В другом кресле сидит бывший президент Израиля и давний друг Голды 84-летний Залман Шазар. Рядом с ним за круглым столом сидят сын Голды Менахем и муж Сары, дочери Голды, репатриант из Йемена Зехария. На столе розы в вазе, бутылки вина и минералки, фаршированная рыба и яблочный штрудель, приготовленные Голдой. Звучит песня «А-Идише мама» и после первого куплета затихает. И зкухни выходит Сара, неся большую тарелку с восточным салатом.

САРА. *(Ставит на стол тарелку с салатом).* Вот, мама, и твой любимый восточный салат из авокадо. Пришлось с ним хорошо повозиться. Надеюсь, тебе и нашему важному гостю понравится.

ГОЛДА. Большое спасибо, дорогая Сара, за восточный салат. Действительно, я его очень люблю. Авокадо полезно для здоровья! Разложи, пожалуйста, салат и мою фаршированную рыбу по тарелкам, а Зехария, мой чудесный зять, разольет вино по бокалам.

ЗЕХАРИЯ. *(Берет бутылку вина и разливает его по бокалам).* С большим удовольствием, дорогая Голда! Между прочим, вино «Кармель» отменное – наше, израильское! *(Садится к столу и накладывает себе салат).*

ЗАЛМАН. Мы, как патриоты Израиля, пьем только наше вино! А твой салат из авокадо, милая Сара, уверен, понравится всем! *(Накладывает в свою тарелку салат и ест).*

МЕНАХЕМ. Обожаю салат из авокадо! Спасибо, сестричка! *(Накладывает в свою тарелку салат и ест).*

САРА. Я очень старалась! *(Садится за круглый стол и накладывает себе в тарелку салат).*

ГОЛДА. Твой приезд, дорогой Залман, ко мне в Тель-Авив стал для меня настоящим подарком! Я уже думала, что после моей отставки с поста премьер-министра 11 апреля три недели назад все забыли обо мне и про мой день рождения. Ан нет! Когда ты прибыл в мой дом, я как бы ожила

душой после всего пережитого мной! А какие великолепные цветы ты привез мне! *(Показывает рукой на цветы)*. Мои любимые розы!

ЗАЛМАН. *(Поднимаясь с места с бокалом вина)*. А теперь, дорогая Голда, настал волнующий момент произнести тост.

ГОЛДА. Я внимательно слушаю.

ЗАЛМАН. Мы с тобой дружим очень давно, считай, почти полвека! С тех пор, как мы познакомились, твой день рождения 3 мая – святой для меня день! А старые друзья не забывают друг друга! Ведь мы четыре года работали вместе, будучи во главе нашего государства, - я на посту президента, ты – на посту премьер-министра. Уверенно скажу: наша человеческая дружба прошла испытание временем! За нашу дружбу я поднимаю свой тост! Мазаль тов! До 120! *(Чокается с Голдой и выпивает бокал с вином)*.

ГОЛДА. Какой прекрасный тост, дорогой Залман! Получай мой поцелуй в награду! *(Приподымается, целует Залмана в губы и выпивает бокал)*.

МЕНАХЕМ. *(Встает и чокается с матерью и Залманом)*. С радостью пью за вашу дружбу с мамой, дорогой Залман! *(Выпивает бокал и садится за стол)*. И все-таки, мама, жаль, что ты разошлась с папой. Зихроно ливраха. Да будет память его благословенна!

САРА. Зихроно ливраха! Мы с Менахемом очень переживали ваш развод, мама.

ГОЛДА. Да ваш папа Моррис был замечательный во всех отношениях человек! Как он знал и понимал искусство! Приобщал меня к музыке, живописи, поэзии, в чем я была полным профаном! Я навек ему благодарна!

МЕНАХЕМ. А я, благодаря папе, стал музыкантом, играющим на виолончели не где-нибудь, а в нашем филармоническом оркестре!

САРА. А я, как и ты, мама, увлеклась кибуцным движением и участвовала в создании кибуца Ревивим.

ГОЛДА. Да, ваш папа обожал вас, детей, и время после вашего рождения было самым счастливым для него. До этого я, живя с ним в кибуце Мерхавия, серьезно увлеклась общественной деятельностью и с тех пор стала постепенно подниматься вверх по служебной лестнице. Мы все больше духовно отдалялись друг от друга, а потом, покинув кибуц, и вовсе разошлись без оформления развода. Я поселилась в Иерусалиме, при этом вы, дети, остались со мной, а Моррис регулярно приезжал ко мне из Тель-Авива, чтобы общаться с вами.

САРА. Наш папа был индивидуалистом и очень не любил жизнь в кибуце.

МЕНАХЕМ. Он очень страдал, зато открыл перед нами новые горизонты.

ЗАЛМАН. Как же тебе удавалось, дорогая Голда, совмещать работу на высоких должностях с домашними обязанностями матери и воспитанием детей?

ГОЛДА. Это было очень не просто. Я вечно спешила на работу, домой, на митинг, на урок музыки с Менахемом, неся его виолончель, к врачу с Сарой,

в магазин, к плите, опять на работу и опять домой. Вечное внутреннее раздвоение, вечная спешка, вечное чувство невыполненного долга – вот такое бремя ложится на плечи работающей матери! И до сего дня я не уверена: не повредила ли я вам, своим детям, не забрасывала ли вас, хоть и старалась не задерживаться нигде ни на час. Но когда вы были подростками, оба, и я это знала, очень не любили мою общественную деятельность.

САРА. Это истинная правда, мама. Я и Менахем очень боялись твоих долгих отлучек.

МЕНАХЕМ. Мне тебя, мама, часто не хватало. Не хватало твоей материнской ласки.

САРА. В редких случаях, когда ты из-за мигрени оставалась дома и не выходила на работу, мы вне себя от радости, танцевали вокруг тебя и распевали собственную песню. Вставай, Менахем!

Сара и Менахем встают из-за стола и, взявшись за руки, начинают танцевать, распевая в полное горло.

САРА И МЕНАХЕМ. *(Поют и танцуют).* Нынче наша мама дома! Голова у ней болит! Нынче наша мама дома! Голова у ней болит!

Кончив петь и танцевать, Сара и Менахем садятся к столу.

ГОЛДА. *(Хлопая в ладоши).* Bravo, мои дорогие!

ЗАЛМАН. *(Хлопая в ладоши).* Bravo!

ЗЕХАРИЯ. *(Хлопая в ладоши).* Bravo!

ГОЛДА. От этой песни голова моя не проходила, зато начинало болеть сердце. Но я уже к тому времени научилась, что ко всему можно привыкнуть, если надо, даже к вечному чувству вины. Зато, Сара и Менахем, я всегда заботилась о вашем здоровье. В одну из поездок в Америку мне удалось положить Сару в нью-йоркскую больницу с опасным заболеванием почек, от которого тебя, дорогая, там излечили.

САРА. Спасибо, мама!

ГОЛДА. А сколько волнения, Сара, мне стоили твоя беременность, болезнь и мертворожденный первенец. Но все закончилось благополучно, и ты смогла потом родить двух здоровых малышек!

САРА. То-то была для меня радость!

ЗЕХАРИЯ. А для меня какая радость!

ГОЛДА. Вот вы сейчас порадовали меня своим танцем и песней и отвлекли от от грустных мыслей, связанных с моей отставкой с поста премьер-министра. Но это не на долго.

МЕНАХЕМ. *(Встает с места подходит к Голде, обнимает и целует ее).* Мама, дорогая, не переживай, пожалуйста. Ты была отличным премьер-министром, в чем мы с Сарой нисколько не сомневаемся. Да, были ошибки во время войны Судного дня. Не ошибается только тот, кто ничего не делает! Ты руководила страной во время войны на все сто!

ГОЛДА. Но я отвечаю, дорогой, за гибель двух с половиной тысяч наших солдат, павших в этой ужасной войне! И теперь, после моего ухода из политики, мне кажется, что все рухнуло! Начался процесс внутреннего разрушения, который ничто не может остановить!

МЕНАХЕМ. Ты напрасно так думаешь, мама! За гибель наших солдат прежде всего несут ответственность генералы и военная разведка, которые проморгали начало войны.

ГОЛДА. Это так. Они меня уверяли, что не будет войны. Но я виню себя в том, что послушала их и за день до начала войны не объявила всеобщую мобилизацию!

МЕНАХЕМ. А вот комиссия Аграната не признала за тобой никакой вины! И вообще, до войны, ты очень много сделала для Израиля! Прежде всего – это связь с Диаспорой! Однако, судьбоносными моментами в твоей жизни во время войны Судного дня были поддержка предложения Дадо о всеобщей мобилизации в первый день войны и одно из самых тяжелых твоих решений: не наносить упреждающий удар! Ты тогда была права, так как знала, что Израилю потребуются американская помощь во время войны. Если бы мы ударили первыми, этой помощи не было бы!

ГОЛДА. Это так, дорогой Менахем. Но сколько критики я слышала в свой адрес за отсутствие превентивного удара!

МЕНАХЕМ. Мы – я, Сара, вся наша семья – встанем на твою защиту.! А теперь мне настала пора прощаться. Ты ведь знаешь, что сегодня у меня вечером концерт филармонического оркестра. Жена и дети -- твои внуки вместе с детьми Сары еще утром поздравили тебя с днем рождения.

ГОЛДА. И как красиво поздравили!

МЕНАХЕМ. Все они раньше поехали на мой концерт, чтобы перед ним немного прогуляться по Тель-Авиву и пообщаться друг с другом. . Мне остается только забрать свою виолончель. Как хорошо, что мы живем с тобой в одном доме! Это так удобно! Спасибо за чудесную фаршированную рыбу! Прощай, мамочка! Прощайте Сара и Зехария! Прощайте, господин Залман!

*Менахем на прощание целует Голду и Сару, пожимает руку
Залману и Зехарии и быстро выходит из салона.*

ЗАЛМАН. Славный у тебя сын, Голда! Прекрасный музыкант, виолончелист! Образованный, культурный человек! А я привез тебе ко дню рождения не только цветы, но и подарок.

ГОЛДА. Какой же?

ЗАЛМАН. Книгу. Ты же знаешь, - я не только политик, но и творческий человек, пишущий прозу, поэзию и многое другое.

ГОЛДА. Как не знать. Тебя недаром называют Человеком пера! Ты был один из первых редакторов нашей еврейской газеты «А-Давар» - «Слово». Тогда ты еще носил свою первую фамилию Рубашов. Я до сих пор помню нашу первую встречу в то далекое время. Помню, как на трибуну вышел молодой

человек, крепко сложенный, в русской рубашке – такие рубашки носили тогда палестинские рабочие – с кушаком, в брюках защитного цвета. Ты говорил с таким жаром, с таким энтузиазмом и на таком изумительном иврите, что я сразу же спросила, кто это. «Рубашов, – ответили мне с каким-то укором, словно я должна была тебя знать, и добавил – он поэт и писатель, очень значительный человек».

ЗАЛМАН. *(Улыбаясь, достает из портфеля книгу)*. Да, мое имя уже тогда гремело в литературной среде. А подарить я хочу тебе свою книгу под названием «Кохавей бокер» – «Утренние звезды», причем в переводе на идиш!

ГОЛДА. Книга на идиш! Какой чудесный подарок! Идиш был и остался моим родным и любимым языком!

ЗАЛМАН. Послушай, дорогая, что я написал тебе в посвящении. *(Открывает книгу и читает вслух)*: «Дорогой Голде от автора – давнего и верного друга на память о лучших страницах нашей жизни. Всегда любящий тебя – Залман Шазар».

ГОЛДА. *(Беря книгу в руки и перелистывая ее)*. Спасибо тебе за такие теплые слова. А как красиво издана книга! О чем же она, дорогой Залман?

ЗАЛМАН. Эта книга состоит сплошь из воспоминаний о детстве и юности. В предисловии к ней я написал, что объездил много стран, познал много городов и городков, но мое маленькое белорусское местечко Мир, недалеко от Минска, осталось для меня единственным и незаменимым».

ГОЛДА. Спасибо за прекрасный подарок! С удовольствием прочту твою книгу. *(Протягивает книгу Саре)*. Поставь, милая Сара, книгу Залмана на книжную полку на самом видном месте.

САРА. *(Берет книгу в руки)*. Сейчас, мама, и поставлю. *(Ставит книгу на книжную полку и садится на свое место)*.

ГОЛДА. Я вижу, что что восточный салат и фаршированная рыба закончились. Теперь предлагаю переходить на черный кофе и яблочный штрудель. Сара приготовит и разольет по чашкам кофе, а Зехария разложит по блюдцам яблочный штрудель.

Сара и Зехария собирают грязные тарелки и уходят на кухню.

ГОЛДА. Вот тебе, дорогой Залман, повезло с детством. А я никогда не стремилась после рождения в родной Киев. У меня остались о нем слишком грустные воспоминания. Никаких радостей я не знала. Мое детство прошло в страшной нужде, в которой жила наша семья. Я помню бедность, голод, холод и страх. Родители Моше и Блюм Мабовичи с трудом могли накормить меня и двух моих сестер Шейну и Клару.

ЗАЛМАН. Ты рассказывала, что не только нищета сопровождала твое детство. В царской России постоянно происходили еврейские погромы.

ГОЛДА. Со страхом связано одно из самых сильных моих воспоминаний. В Киеве наша семья жила в маленьком доме на первом этаже. Ясно помню

разговор родителей о погроме, который вот-вот должен был обрушиться на нас. Толпа подонков с ножами и палками ходила по городу, искала евреев и кричала «Христа распяли!». Погром до нас не дошел, но я до сих пор помню, как сильно я была напугана. Лучше всего помню, что все это происходило со мной потому, что я еврейка.

ЗАЛМАН. В этом единственная наша вина, что мы принадлежим к еврейскому племени!

ГОЛДА. Много раз в жизни мне пришлось испытывать те же ощущения страха, - чувство, что все рухнет, что я не такая, как другие. Но была инстинктивная, глубокая уверенность: если хочешь выжить, ты должна что-то предпринять для защиты сама. Из этого я исходила, когда принимала трудные решения, занимая те или другие государственные должности.

ЗАЛМАН. И мы с тобой тесно сотрудничали, когда занимали высшие государственные посты. По воле судьбы именно я, будучи президентом Израиля, в 1969 году приводил тебя в Кнессете к присяге в качестве премьер-министра страны.

ГОЛДА. *(Улыбаясь)*. Разве это можно забыть?

Из кухни в гостиную входят Сара с горячим кофейником в руке и Зехария с чистыми блюдами и чашками на подносе.

САРА. Вот, мама, и твой любимый черный кофе. Очень горячий! Сейчас мы разольем его по чашкам, а Зехария разрежет и разложит штрудель по блюдам. *(Разливает кофе и садится за стол)*.

ГОЛДА. Обожаю черный кофе! Не представляю, как можно жить без него и сигарет! Где-то читала, что кофе продлевает нам жизнь!

ЗЕХАРИЯ. А вот и вкусный яблочный штрудель, который приготовила Голда! *(Раскладывает штрудель по блюдам и садится за стол)*.

ЗАЛМАН. Согласен! Недаром кухня нашей Голды славится на весь мир! *(Запивает глоток кофе и откусывает кусок штруделя)*.

ГОЛДА. Скажи, дорогой Залман, как тебе живется на пенсии? Как себя чувствует твоя Рахель?

ЗАЛМАН. Увы, годы дают о себе знать. Жена не очень здорова, поэтому не могла приехать со мной к тебе в Тель-Авив. Да и меня букет старческих болезней не обошел стороной. Но я не сдаюсь, всю воюю с ними. Да и дел у меня после ухода на пенсию хватает. Ведь я человек общественный, - и многим людям еще нужен.

ГОЛДА. Чем же ты им помогаешь?

ЗАЛМАН. Многим. Организую встречи группы по изучению Библии, веду кружок по изучении еврейской диаспоры, руковожу фондом «Амос» для помощи ученым и деятелям искусства. Остается время и для внуков, которые радуют меня своими успехами. А ты, дорогая Голда, как себя чувствуешь после ухода в отставку?

ГОЛДА. Как сказать? Я так устала от своей многолетней политической деятельности, что очень нуждаюсь в отдыхе. Лечусь от рака и других застарелых болезней. Зато огромную радость доставляет мне общение с подросшими внуками. И все-таки, дорогой Залман, мое настроение далеко не безоблачное. Напротив, очень грустное. И ты знаешь, почему.

ЗАЛМАН. *(Тяжело вздыхает)*. Как мне не знать!

ГОЛДА. Каждый день в газетах появляются ругающие меня статьи. На улицах проходят шумные демонстрации с плакатами и речами, обвиняющими меня в провальной политике моего правительства, в поражении в войне Судного дня, в гибели двух с половиной тысяч наших солдат. Вину за их гибель я с себя не снимаю. Если бы все эти критики знали, сколько боли, сил и волнений мне стоила эта война. *(Начинает плакать, вытирая платком слезы на глазах)*.

САРА. *(Целуя Голду)*. Мамочка, прошу тебя, успокойся! Твои критики не правы!

ЗЕХАРИЯ. Да, не правы! В этом нет сомнения!

ГОЛДА. В том-то и дело, милые Сара и Зехария, что правы. Только не во всем.

САРА. Послушайте, многоуважаемый Залман! После того, как закончилась война, мы все – мама, я, Менахем, Зехария, вся наша семья чувствуем резкий холодный ветер, дующий в нашу сторону. Такое ощущение, будто против нас ополчилось все израильское общество. Заслуги мамы в достижении победы в расчет не берутся. Говорят и пишут только о ее ошибках и просчетах.

ЗАЛМАН. Я понимаю вас, Сара. К сожалению, люди так устроены, что предпочитают видеть в других только недостатки, а заслуги не замечать. И все же не надо так переживать, дорогая Голда. Только Всевышний имеет право судить людей за их деяния на Земле. Я в этом убежден, как приверженец хасидизма! Ты должна успокоиться. Ведь война Судного дня закончилась победой Израиля, и я в этом нисколько не сомневаюсь!

ЗЕХАРИЯ. И мы с Сарой не сомневаемся!

ГОЛДА. Но большинство все же тех, кто сомневается... Ну вот, я успокоилась. *(Перестает плакать и вытирает слезы на глазах)*. Спасибо тебе, дорогой Залман, за дружбу, за поддержку.

ЗАЛМАН. Иначе и быть не может! Скажи, чем ты собираешься заниматься, когда у тебя появилось столько свободного времени?

ГОЛДА. Хочу писать, как и ты, воспоминания, - мемуары. Уже придумала им короткое название - «Моя жизнь». Из них страна и весь мир узнает, как на самом деле велась война!

ЗАЛМАН. Это очень хорошая идея! От души желаю тебе ее осуществить! Пусть люди узнают из твоих мемуаров всю правду о войне Судного дня!

САРА. Нам с Зехарией не терпится скорее прочитать твои воспоминания, мамочка!

ГОЛДА. Наберитесь терпения! Где ваш совланут? Знаешь, дорогой Залман, в первые недели после отставки я получала трогательные письма с выражением сочувствия и поддержки от совершенно незнакомых израильтян, по-видимому, понимавших, как я переживаю. Письма были от раненых солдат из госпиталей, от родителей погибших... Они писали: «Будь здорова. Будь сильна. Все будет в порядке». Я не хотела обманывать их ожидания, но 11 апреля сказала партийному руководству на последнем заседании правительства, сформированного после победы на выборах в Кнессет, что с меня довольно.

Голда поднимается с кресла и выходит на авансцену к микрофону, встреченная овациями членов партийного руководства и правительства.

ГОЛДА. *(В микрофон)*. Уважаемые соратники по партии и члены правительства! С меня хватит! Хотя комиссия Аграната по расследованию причин войны подтвердила мою невиновность, я, чувствуя свою громадную ответственность перед страной, пришла к выводу, что не могу больше нести на себе груз этой должности. Пять лет – это достаточно! Я прошу вас не пытаться уговорить меня отменить это решение. Оно окончательно и бесповоротно. Я не принадлежу ни к одной внутрипартийной фракции и ни с кем не советовалась, принимая его. Я решила все сама, советуясь со своей совестью. Я жалею только о том, что не приняла это решение раньше. Повторяю, пожалуйста, не старайтесь уговаривать меня, чтобы я его изменила, не ищите аргументов – они не помогут. Я ухожу. Спасибо вам за нашу совместную работу! *(Отходит от микрофона и садится в свое кресло)*.

ЗАЛМАН. Это, дорогая Голда, был очень смелый и неожиданный с твоей стороны шаг!

ГОЛДА. Я не могла поступить иначе!

ЗАЛМАН. И я на твоём месте поступил бы также. Как утверждает наша Тора, это дело совести каждого человека.

ГОЛДА. Человек, который теряет совесть, теряет всё. Конечно, попытки переубедить меня делались всё равно, но они были тщетны. Я заканчивала пятьдесят лет своей службы и знала, что поступала правильно. Моя политическая карьера 11 апреля закончилась раз и навсегда. И пусть правые и левые на чем свет ругают меня и считают мое премьерство провальным, я имею основание быть довольной им, несмотря на ошибки, которые были.

САРА. Скажи, мама, а какое событие ты считаешь самым значительным в своей жизни?

ГОЛДА. Мне, милая Сара, очень повезло. Ведь я стояла у истоков столь многих событий! Не то, чтобы я влияла на их ход, но я была частью того, что происходило вокруг.

ЗЕХАРИЯ. И все-таки, дорогая Голда, наверное, есть событие, которое оставило особенно сильный след в Вашей памяти.

ГОЛДА. Ты прав, Зехария. Конечно, это создание Израиля и подписание в Тель-Авиве 14 мая 1948 года Декларации Независимости. К этому историческому событию я шла всю жизнь! Сколько с ним было связано переживаний – и радостных и тревожных - сначала в ожидании итогов голосования на Генеральной Ассамблее ООН и затем итогов голосования на заседании Народного правления Палестины! И я абсолютно уверена, что выдающуюся роль в создании Израиля сыграл наш Старик – руководитель Гистадрута и Еврейского Агенства Давид Бен-Гурион.

ЗАЛМАН. Согласен с тобой, дорогая Голда! Если бы не его железная воля, решительность и упорство в достижении цели, мы бы не создали свое еврейское государство! Я помню его знаменитую фразу: «Наше будущее зависит не от того, что скажут народы мира, а от того, что сделают евреи». Бен-Гурион использовал удобный момент ухода англичан из Палестины и сумел организовать оборону только что рожденного еврейского государства. Но и ты, Голда, сделала много для провозглашения Декларации Независимости нашей страны!

ГОЛДА. Не преувеличивай мое значение, дорогой Залман!

САРА. Он не преувеличивает, мама. Это так!

ЗЕХАРИЯ. Вне всякого сомнения!

ЗАЛМАН. Если Бен-Гурион был отец Израиля, то ты, дорогая Голда, мать Израиля!

ГОЛДА. Пусть будет так! Особенно важным для меня было участие в работе Международной комиссии, представившей свой отчет о Палестине в Женеве 31 августа 1947 года. К тому времени я уже возглавляла политический департамент Еврейского агенства. Восемь членов комиссии – как и предыдущая английская комиссия Пиля – рекомендовали, чтобы страна была разделена на два государства - арабское и еврейское. При этом выделяется интернациональный анклав, включающий Иерусалим и его окрестности. Мы, разумеется, план этот приняли без восторга, но с большим обличением и потребовали, чтобы британскому мандату немедленно был положен конец.

ЗАЛМАН. Это требование должно было обязательно присутствовать!

ЗЕХАРИЯ. Безусловно!

ГОЛДА. Не менее важно для Бен-Гуриона было подтвердить наше согласие на раздел страны на два государства – еврейское и арабское. На следующий день я, как глава Политического департамента Еврейского Агенства, дала пресс-конференцию в Иерусалиме.

ЗАЛМАН. Напомни, что ты сказала тогда.

ГОЛДА. Я хорошо помню эту речь. *(Поднимается с кресла и выходит на авансцену к микрофону):* «Я хочу проинформировать вас, господа

журналисты, что Международная комиссия представила в Женеве свой отчет, согласно которому рекомендовала раздел Палестины на два государства – еврейское и арабское. При этом Иерусалим попадал под международный контроль. Нам трудно представить себе еврейское государство без Иерусалима. Мы все еще надеемся, что Ассамблея ООН исправит этот недочет. Нас также очень огорчило исключение Западной Галилеи из еврейского государства, и мы рассчитываем, что и это будет принято Ассамблеей во внимание. Но главное, что я особенно выделила бы, - это наше страстное желание установить иные, новые отношения с арабами, которых, как я полагаю, в еврейском государстве будет 500 тысяч. Еврейское государство в этой части мира, это не только решение вопроса для нас. Оно может и должно помочь каждому жителю Ближнего Востока».

Голда садится на свое кресло возле круглого стола.

САРА. Ну, мамочка, ты - настоящий дипломат! И про арабских граждан не забыла!

ЗЕХАРИЯ. Голда понимала, что без учета интересов обеих сторон - евреев и арабов - невозможно строить новое государство на Ближнем Востоке.

ГОЛДА. Именно так, Зехария! Здесь, милая Сара, без дипломатии не обойтись! Между тем, приближался день голосования на Ассамблее Организации Объединенных Наций по вопросу о создании в Палестине двух государств - еврейского и арабского.

ЗАЛМАН. Я как раз в это время находился в Нью-Йорке и по заданию Бен-Гуриона проталкивал в кулуарах ООН благоприятное для нас решение. Не раз встречался с представителем Советского Союза в Организации Объединенных Наций Андреем Громыко. В его лице к нам пришла поддержка с той стороны, с которой мы совсем не ожидали! Я имею в виду его речь в июле 1947 года и затем 26 ноября того же года за три дня до голосования на Генеральной Ассамблее ООН. В своей речи он сказал, что британский мандат на Палестину не оправдал себя и его следует ликвидировать!

ГОЛДА. Я хорошо помню речь Андрея Громыко, так приятно неожиданную для нас! Она потрясла меня до глубины души, особенно, когда он обратился к теме Холокоста. До сих пор его речь звучит в моих ушах.

На авансцене появляется Андрей Громыко и подходит к микрофону.

ГРОМЫКО. *(Произносит речь):* «Во время Второй мировой войны евреи подверглись почти полному физическому истреблению. Ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить помощь еврейскому народу. Это обстоятельство объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливым не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление этого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя оправдать, особенно учитывая все, что он пережил за Вторую мировую войну».

Закончив речь, Андрей Громыко отходит от микрофона в сторону.

ГОЛДА. *(Хлопает в ладоши)*. Очень важно, что Громыко включил в свою речь тему Холокоста. Тогда еще никто и подумать не мог, что гитлеровский обет истребить всех евреев будет исполняться буквально. Мы не могли поверить, что такое чудовищное злодеяние вообще может совершиться. Еще в 1943 году я поняла, что нет сионизма вне спасения евреев. Речь Громыко проложила путь к благоприятному для нас голосованию в ООН 29 ноября 1947 года. Не случайно посол Израиля в ООН Аба Эвен после этой речи назвал Громыко «сионистским героем».

ЗАЛМАН. Да, это прозвище ходило тогда в кулуарах ООН. Напомню, дорогая Голда, что в своей ноябрьской речи Андрей Громыко отказался от первоначального плана, предложенного специальным комитетом ООН, о создании единого независимого арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Вот что он сказал:

ГРОМЫКО. *(Продолжает речь в микрофон)*: «Опыт изучения вопроса о Палестине показал, что евреи и арабы в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Тогда ничего не остается, как образовать вместо одного два государства – арабское и еврейское. Противники раздела Палестины на два самостоятельных независимых демократических государства указывают обычно на то, что это решение направлено будто бы против арабов. Напротив, по мнению советской делегации, это решение соответствует коренным национальным интересам обоих народов, интересам как еврейского, так и арабского народа. Именно поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины». *(Отходит от микрофона, оставаясь на авансцене)*.

ГОЛДА. *(Сидя в кресле)*. Это то самое решение, которое так желал Бен-Гурион!

ЗАЛМАН. *(Сидя в кресле)*. Я еще оставался в ООН, чтобы вместе с Моше Шаретом убеждать представителей других стран голосовать за решение, предусматривающее создание на территории Палестины двух государств – еврейского и арабского. На одной из встреч с Громыко в кулуарах ООН мы обстоятельно обсудили этот вопрос.

Залман встает с кресла и подходит к Андрею Громыко, стоящему на авансцене.

ЗАЛМАН. Добрый день, Андрей Андреевич.

ГРОМЫКО. Добрый день, мистер Залман.

ЗАЛМАН. Прежде всего я хочу поблагодарить Вас за историческую речь, в которой Вы поддержали право евреев на создание собственного государства.

ГРОМЫКО. *(Сухо)*. Это не меня надо благодарить.

ЗАЛМАН. Кого же?

ГРОМЫКО. Я выступал в ООН как представитель Советского Союза. А решение о поддержке создания в Палестине двух государств - еврейского и арабского - принимал лично вождь Иосиф Виссарионович Сталин. Его страшно возмутила речь бывшего английского премьера Черчилля в Фултоне, в которой содержались резкие, ничем не обоснованные нападки на мирную политику Советского Союза. Противостоять ей могло только лишение Англии права на продление мандата на Палестину. Вот почему мы считаем, что Великобритания должна вывести свои войска из Палестины.

ЗАЛМАН. А если арабы откажутся создать свое государство рядом с еврейским?

ГРОМЫКО. Это их проблема. Тем лучше для вас, евреев.

ЗАЛМАН. Спасибо. Можно задать вам еще один вопрос?

ГРОМЫКО. Задавайте.

ЗАЛМАН. Когда будущее еврейское государство провозгласит независимость, нам придется обороняться от нападения арабских стран. Их лидеры не скрывают своих планов уничтожить нашу страну в самом зародыше. Соединенные штаты и другие страны объявили эмбарго на продажу евреям оружия. Мы хотим обратиться к Советскому руководству с просьбой помочь нам с вооружением еврейской армии.

ГРОМЫКО. Мы предвидели эту ситуацию, и товарищ Сталин уже дал указание Чехословакии и Югославии продавать оружие евреям. У вас есть деньги на покупку оружия?

ЗАЛМАН. *(Не сразу)*. Будут!

Андрей Громыко уходит с авансены. Залман Шазар садится на свое кресло за столом рядом с Голдой.

ГОЛДА. *(Сидя в кресле)*. В день голосования в Ассамблее ООН 29 ноября 1947 года я сидела дома, словно прикованная у радиоприемника с бумагой и карандашом, и записывала, как кто голосует. Наконец, около полуночи по нашему времени, были объявлены результаты: тридцать три страны, включая Соединенные Штаты и Советский Союз, голосовали за план раздела, тринадцать, в том числе все арабские страны, голосовали против и десять, в том числе Великобритания, воздержались. После голосования я немедленно отправилась в Еврейское агенство. У здания уже толпился народ.

САРА. Мама, ты помнишь, в тот день я специально приехала из кибуца в Тель-Авив. Это было невероятное зрелище: сотни людей, среди них и британские солдаты, пели и танцевали, держась за руки, под нашу древнюю еврейскую песню «Хава Нагила».

На авансцену выходит скрипач и, пританцовывая, лихо играет песню «Хава нагила».

ГОЛДА. Как это можно забыть? Пьяная от радости толпа требовала речей. Я поняла, что нехорошо портить им настроения отказом. Вышла на балкон

своего кабинета и сказала короткую речь. Но обращена была моя речь, в сущности, не к массам народа под балконом, но опять-таки к арабам.

САРА. Мама, ты могла бы сейчас ее повторить?

ГОЛДА. Конечно, могу, дочка. То, что я тогда сказала, до сих пор звучит актуально! *(Поднимается с кресла, выходит на авансцену и говорит речь в микрофон).* «Вы, арабы, провели битву против нас в Объединенных Нациях. Объединенные Нации – большинство стран мира – выразили свое решение. План раздела – это компромисс: не то, чего хотели вы, не то, чего хотели мы. Но давайте теперь жить в мире и дружбе». *(Отходит от микрофона и садится в кресло).*

ЗАЛМАН. Ты правильно сделала, что обратилась к арабам. Они такие же люди, как и мы, евреи!

ГОЛДА. Если бы это было так! К сожалению, нельзя сказать, чтобы моя речь разрядила создавшееся положение. На следующий день по всей Палестине вспыхнули арабские волнения. Семь евреев были убиты из-за засады, а 2 декабря толпа арабов подожгла еврейский коммерческий центр в Иерусалиме.

ЗАЛМАН. Это значило, что палестинские арабы объявили еврейскому населению войну еще за полгода до провозглашения нашей независимости!

ГОЛДА. Чем ближе становилась дата подписания Декларации Независимости, тем больше накалялась обстановка в стране. Принятию Декларации предшествовали три очень важных заседания Народного правления. В начале мая 1948 года я получила от Бен-Гуриона важное задание: вновь встретиться с королем Трансиордании Абдаллой до нападения блока арабских стран на Израиль. Эта встреча состоялась в Аммане, и я о ней рассказала сразу после возвращения в Тель-Авив утром 11 мая на заседании Народного правления.

Тогда я еще носила фамилию мужа Меерсон.

Сцена погружается в темноту и вскоре вновь освещается.

Идет заседание Народного правления при участии членов

Еврейского Агентства, Национального Совета и малых партий.

В зал заседаний вбегает, запыхавшись, Голда. Сидящий

за столом президиума глава Гистадрута и Еврейского

Агентства Бен-Гурион поднимается с места навстречу Голде.

БЕН-ГУРИОН. Приветствую тебя от имени всех, госпожа Голда! Мы ожидали тебя с минуты на минуту! Сообщаю вам, господа - члены Народного правления, что госпожа Меерсон только что вернулась из Аммана, куда ездила с очень ответственной миссией. Ей предстояло уговорить иорданского короля Абдаллу не входить в блок арабских стран, готовых напасть на будущее еврейское государство. Так о чем же ты договорилась с королем Абдаллой?

ГОЛДА. (*Тяжело дыша, встает возле стола президиума*). Это была моя вторая миссия в Иорданию, к сожалению, не очень успешная. А в первый раз я встретила с королем в начале ноября сорок седьмого года еще до голосования в ООН. Тогда, казалось, главное стало определенным: он заверил меня, что не присоединится к арабским странам, всегда останется нашим другом, и больше всего, как и мы, хочет мира. В конце концов, враг у нас общий – иерусалимский муфтий хадж Амин Эль-Хуссейн.

БЕН-ГУРИОН. (*Звонит в колокольчик*). От себя добавлю, что это тот самый Эль-Хуссейн, который дружил с Гитлером, с большим почетом принимавшим его в Берлине. Они говорили об окончательном решении еврейского вопроса в Палестине.

ГОЛДА. В январе и феврале сорок восьмого года мы продолжали поддерживать контакт с королем Абдаллой. Потом к нам стали поступать сведения, что, несмотря на свои обещания, Абдалла собирается вступить в Арабскую лигу. «Так ли это?» - спросила я в письме короля. Он был обижен моим вопросом. В своем ответном письме Абдалла просил меня запомнить три вещи: во-первых, он-бедуин, и потому человек чести; во-вторых, - король, и потому дважды человек чести; в-третьих, он никогда не нарушит обещания, данного женщине. Поэтому моя тревога ничем не оправдана.

БЕН-ГУРИОН. Но мы-то знали другое!

ГОЛДА. Да, Старик, нам было известно нечто другое! Уже к началу мая не оставалось сомнений, что, несмотря на все заверения, Абдалла связал свою судьбу с Арабской лигой. И все же мы решили, что стоит просить короля о новой встрече, пока еще не поздно. Может, удастся его отговорить в последнюю минуту. Если случится чудо, и Трансиордания не вступит в войну, то и иракской армии будет куда труднее вторгнуться в Палестину.

БЕН-ГУРИОН. Это был бы отличный козырь для Хаганы. Вот почему я посчитал, что мы ничего не потеряем, если сделаем еще одну попытку повлиять на короля Абдаллу.

ГОЛДА. Король написал мне, что если я хочу с ним встретиться, то должна приехать в Амман, приняв риск на себя.

БЕН-ГУРИОН. Добавлю, что вторая поездка Голды к королю в Амман в сопровождении нашего человека Эзры Данина действительно носила опасный характер. И каков результат твоей встречи с королем?

ГОЛДА. Король Абдалла принял нас в одной из комнат своего дворца. Практически, мы сидели за столом друг против друга.

Затемнение. Бен-Гурион поднимается с места и покидает сцену. Освещается комната во дворце короля Трансиордании, где за столом сидит король Абдалла. Напротив него за стол садится Голда.

ГОЛДА. Итак, Ваше величество, вы нарушили данное мне обещание!

АБДАЛЛА. Когда я давал обещание, госпожа Меир, я думал, что судьба моя в моих руках, и я могу делать все, что считаю правильным. Но с тех пор ситуация изменилась.. Прежде я был один, а теперь я – один из пяти. Четверо остальных это Египет, Сирия, Ливан и Ирак. И все-таки я считаю, что войны можно избежать. Почему вы так торопитесь провозгласить создание своего государства? К чему такая спешка? До чего же вы нетерпеливы!

ГОЛДА. О народе, ожидавшем этого дня две тысячи лет, нельзя говорить, что он слишком тороплив. Неужели вы не понимаете, что мы – ваши единственные союзники во всем районе? Все остальные – ваши враги.

АБДАЛЛА. Да, я это знаю. Но что я могу сделать? Это зависит не от меня.

ГОЛДА. Вы должны знать, что, если нам навяжут войну, мы будем сражаться и мы победим.

АБДАЛЛА. Я знаю: ваш долг сражаться до победы. Но почему бы вам не подождать несколько лет? Бросьте ваше требование свободной иммиграции. Я предлагаю присоединить к Трансиордании территорию, отошедшую к будущему еврейскому государству согласно разделу по решению ООН. Сам буду во главе всей страны, и вы, евреи, будете представлены в моем парламенте. При этом я гарантирую 50% евреев от общего числа иорданского парламента. Я буду очень хорошо с вами обращаться и войны не будет.

ГОЛДА. Вы знаете, сколько мы сделали, чтобы у нас было свое государство, вы знаете, как тяжело мы работали. И вы думаете, что мы сделали все это, чтобы быть представленными в чужом парламенте? Если вы больше ничего не можете нам предложить, значит будет война! *(Поднимается с места)*. Что же, будем прощаться. Нам больше не о чем говорить.

АБДАЛЛА. *(Встает вслед за Голдой.)*. Вот что я скажу вам, госпожа Меир, на прощание: «Если кто-нибудь лично ответственен за войну, то это вы, ибо вы слишком горда, чтобы принять мое предложение».

Абдалла покидает сцену. Затемнение. Освещается зал Народного правления. Бен Гурион занимает свое место за столом. Голда поднимается и встает возле стола.

ГОЛДА. *(Улыбаясь и обращаясь к Народному правлению)*. Я не жалею о том, что в ту ночь так разочаровала Абдаллу. Жаль, что ему не хватило храбрости на то, чтобы не вступать в войну. Насколько лучше было бы для него – да и для нас, - если бы он был чуть более горд. *(Садится в зале)*.

Смех в зале заседаний.

ГОЛДА. С моей стороны была величайшая наглость сказать королю, что мы победим. Но у нас было одно секретное оружие – отсутствие альтернативы! Нам некуда было идти!

Аплодисменты в зале заседаний.

БЕН-ГУРИОН. Результат встречи Голды с королем Абдаллой, к сожалению, не оправдал наших надежд. Свою миссию ей не удалось выполнить. Но я

полностью одобряю решение Голды, отвергнувшей предложение Абдаллы быть представленными в чужом парламенте. Наша цель – создание независимого еврейского государства со своим парламентом.

Аплодисменты членов Народного правления.

БЕН-ГУРИОН. Спасибо. Я воспринимаю ваши аплодисменты как поддержку политики руководства Еврейского Агенства. Впереди у каждого из нас много важных дел, поэтому я объявляю сегодняшнее заседание закрытым и назначаю следующее на завтра, 12 мая. В этот день нам предстоит решить главный вопрос: готовы ли мы провозгласить Декларацию Независимости Израиля? До завтра!.

Сцена погружается в темноту и вскоре вновь освещается.

12 мая сорок восьмого года. Начинается очередное заседание Народного правления Палестины. За столом в президиуме стоит Бен-Гурион и произносит речь.

БЕН-ГУРИОН. Дорогие друзья! Я открываю очередное заседание Народного правления Палестины Мы собрались с вами в Тель-Авиве в очень тревожное время, когда нам предстоит принять несколько судьбоносных для Эрец-Исраэль решений. На заседании Народного правления присутствуют глава департамента иностранных дел Моше Шарет и глава Политического департамента Еврейского агенства Голда Меерсон. Им предстоит выступить с очень важными сообщениями. На заседание также приглашены военачальники Хаганы генералы Игаэль Ядин и Исраэль Галили.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Правильно! Мы всё должны знать!

БЕН-ГУРИОН. Вначале я обрисую нынешнюю политическую ситуацию, предшествующую провозглашению Независимости страны. Начну с того, что несмотря на Декларацию Бальфура, британское правительство, получившее мандат на Палестину, не только ничего не сделало для создания еврейского национального очага, но его борьба против евреев только усилилась. Британия не разрешила евреям, прибывшим на корабле «Экходус» в Хайфу, выйти на берег. И это после Холокоста! Корабль отправили обратно.

ГОЛДА. *(С места)*. Я была свидетелем этого! Прибыв на корабль, я пыталась что-то сделать, помочь этим несчастным людям. Но британцы были непреклонны!

БЕН-ГУРИОН. В итоге британское правительство осознало, что оно не может решить проблему Палестины и сообщило, что передает вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Мы благодарны Советскому Союзу, Соединенным Штатам Америки и другим странам, проголосовавшим в ООН за раздел Палестины на два государства - еврейское и арабское.

ГОЛДА. *(С места)*. Разве это не чудо?

БЕН-ГУРИОН. В Израиле, чтобы быть реалистом, нужно верить в чудеса. Но проголосовать за раздел Палестины, это еще полдела. Предстояло еще

будущее еврейское государство вооружить и защитить. Лига арабских стран решение ООН решительно отвергла. На следующий день после голосования в ООН начались теракты, а затем и боевые действия. Генеральный секретарь Лиги арабских государств на весь мир заявил: «Это будет война на уничтожение и грандиозная резня». Англия подписала крупные оружейные контракты с арабскими странами, которые не собиралась разрывать. Американское правительство объявило эмбарго на продажу оружия. У нас, евреев не было ни денег, ни оружия. Нужно было что-то срочно предпринимать. Оставалось обратиться за помощью к американским евреям. Я поручил выполнить эту очень ответственную миссию главе политического департамента Голде Меерсон, которая блестяще справилась с этой задачей. Напутствуя ее перед дорогой, я предупредил: «Либо ты вернешься с 10 миллионами долларов, либо тебе будет некуда возвращаться». Расскажи, госпожа Голда, как тебе удалось собрать в Америке такую огромную сумму, как 50 миллионов долларов?

ГОЛДА. *(Встает с места и подходит к столу, возле которого произносит речь)*. Это было очень не просто. Я прибыла в Чикаго в январе 1948 года и выступила на общем собрании совета еврейских федераций и благотворительных фондов. Высказала всё, что у меня было на сердце. Описала положение, создавшееся в Палестине ко дню моего отъезда.

БЕН-ГУРИОН. О чем же ты сказала в своей речи?

ГОЛДА. Я говорила, обращаясь к американским евреям, что еврейское население Палестины будет сражаться до самого конца. Если у нас будет оружие, мы будем сражаться этим оружием. Если у нас его не будет, мы будем драться камнями. Цель моей миссии – не просто спасение семисот тысяч евреев. Речь идет о том, что если эти семьсот тысяч останутся в живых, то жив будет еврейский народ как таковой и будет обеспечена его независимость. Сейчас мы отчаянно воюем. Нет в Палестине еврея, который не верил бы, что, в конце концов, мы победим. Таков в стране моральный дух. Но этот дух не может противостоять в одиночку винтовкам и пулеметам. Наша проблема – время. Что мы сможем получить немедленно? Когда я говорю «немедленно», то имею в виду не месяц, и не день. Я имею в виду сейчас, сегодня. Вы можете решить только одно: кто победит в этой борьбе – мы или муфтий? Этот вопрос можете решить только вы, американские евреи. Но сделать это надо быстро – за дни, за часы! *(Пауза)*. Такими словами я закончила свою речь!

БЕН-ГУРИОН. Я думаю, твоя речь, госпожа Голда, произвела на американских евреев большое впечатление.

ГОЛДА. Да, Старик. Они слушали, они плакали, они собрали столько денег, сколько еще не собирала ни одна община. Я провела в Штатах шесть недель, и повсюду евреи слушали, плакали и давали деньги. В марте я вернулась в Палестину, собрав 50 миллионов долларов.

БЕН-ГУРИОН. Спасибо, госпожа Голда! Когда-нибудь, когда будет написана наша история, там будет рассказано о еврейской женщине, доставшей деньги, необходимые для создания и защиты государства.

Звучат дружные аплодисменты. Голда садится на свободное место.

БЕН-ГУРИОН. *(Стоя возле стола)*. Как только у нас появились деньги, мы в марте сорок восьмого года приступили к закупкам оружия через Чехословакию и Югославию. Получили артиллерию и минометы, четыре немецких истребителя «Мессершмита» и старые английские «спитфайры», а также пушки, пулеметы и много других видов вооружения. Западные державы в угоду арабским странам подготовили в Совете Безопасности ООН проект резолюции «О проникновении вооружений морским и сухопутным путем в Палестину» с целью помешать евреям получить оружие. Но советский представитель Андрей Громыко наложил на него вето. Теперь я предлагаю заслушать мнение присутствующих на заседании Народного правления начальника оперативного отдела Хаганы генерала Игаэля Ядина и командующего Хаганы генерала Исраэля Галили. Приглашаю к столу генерала Игаэля Ядина.

Бен-Гурион садится за стол. К столу подходит генерал Ядин.

БЕН-ГУРИОН. Вопрос стоит так: считаете ли вы, что мы продержимся, если наши силы будут расти со временем?

ГЕНЕРАЛ ЯДИН. *(Стоя у стола)*. Если бы я хотел подытожить все, не теряя осторожности, я бы сказал, что в данный момент наши шансы равны. Да, военная обстановка в стране очень сложная. Соотношение сил не в нашу пользу. Если быть откровеннее, то преимущество арабских армий велико, если они применят всю свою военную силу. В лучшем случае шансы наши 50 на 50. Пятьдесят, что победим, пятьдесят – потерпим поражение.

БЕН-ГУРИОН. Спасибо, генерал Ядин. Приглашаю к столу генерала Галили.

Генерал Ядин отходит от стола и садится на свое место. К столу подходит генерал Галили.

БЕН-Гурион. От американцев к нам поступило предложение договориться о трехмесячном прекращении огня и воздержаться на это время от провозглашения еврейского государства. Вопрос к вам: принимать ли нам это предложение или нет?

ГЕНЕРАЛ ГАЛИЛИ. *(Стоя у стола)*. Прежде всего я хочу выразить полное согласие с генералом Ядиным, что военная обстановка в стране очень сложная. На поставленный вами, Давид,, вопрос я отвечу так. Если бы мы находились в ситуации сиюминутного вторжения пяти арабских стран, то, по моему мнению, не вдаваясь в политику, прекращение огня на определенный период было бы наиболее полезным и могло бы дать нам большое преимущество. А с провозглашением независимости государства можно было бы некоторое время подождать.

Генерал Галили отходит от стола и садится на свое место.

БЕН-ГУРИОН. *(Поднимается с места, стоя за столом)*. Спасибо, генерал Галили. Нам надо всё хорошенько обдумать и взвесить все «за» и «против». В марте сорок восьмого года Государственный департамент взбунтовался против президента Трумэна и подготовил проект резолюции Совета Безопасности ООН о замораживании раздела Палестины и введении международного протектората. В проекте резолюции исчезла такая нужная нам формулировка, как создание на территории Палестины двух государств – еврейского и арабского. Глава департамента иностранных дел Моше Шарет, известный всем вам под именем Черток, недавно по моему поручению побывал в Соединенных Штатах с миссией предотвратить подобное развитие событий. Об остальном он расскажет нам сам. Господин Моше, даю вам слово. *(Садится за стол)*.

Моше Шарет встает со своего места и подходит к столу.

МОШЕ ШАРЕТ. *(Стоя возле стола)*. Не будет преувеличением сказать, что обстановка в руководстве США в отношении Израиля сложилась критическая. Президент Трумэн находится под сильным давлением двух своих ведущих министров – обороны и иностранных дел. Министр обороны Джеймс Форрестол в моем присутствии горячо объяснял президенту, что 40 миллионов арабов неизбежно сбросят 400 тысяч евреев в море. «Мы должны быть на стороне нефти», – утверждал он. Госсекретарь, прославленный генерал Маршалл, грозил уйти в отставку, ибо, по его мнению, поддержка обреченных на смерть евреев оставит США без нефти, а в Европе зреет военный конфликт с Советами. Во время нашей встречи Маршалл прямо сказал мне: «Не вздумайте объявлять о создании государства. Говорю как военный: вас уничтожат! Если вы сделаете это, даже не обращайтесь к нам за помощью – помогать не будем. Ни в ООН, ни войсками, ни оружием. Так и передайте Бен-Гуриону: «Вам нельзя провозглашать государство».

БЕН-ГУРИОН. А какое твое мнение, Моше?

МОШЕ ШАРЕТ. Мое мнение такое: у нас нет пути назад – надо идти до конца!

БЕН-ГУРИОН. Вот это я и хотел услышать от тебя, дорогой друг! *(Поднимается и встает возле стола)*. Итак, мне предстоит произнести заключительную речь. Мой вывод такой. Учитывая наши нравственные ценности и при условии разумного использования живой силы и увеличения вооружения, у нас есть все шансы на успех. Провозгласим мы государство или нет, уже не имеет значение. Арабские армии у границ. Британцы через два дня всё равно уйдут. И будет то, что будет. Наши люди в Европе уже закупили оружие. Пароходы в пути. Надо продержаться неделю, десять дней, пока они прибудут. Тогда победим! Наш выбор: сделать то, что нам

предназначено, сражаться и принять судьбу или не сделать этого. Судьбы не избежать, а шанса больше не будет.

ГОЛДА. *(Поднимает руку)*. Можно мне сказать несколько слов?

БЕН-ГУРИОН. Можно. Только несколько. Время ограничено!

ГОЛДА. *(Поднимается с места и встает возле стола президиума)*. Я полностью разделяю мнение Бен-Гуриона и Моше Шарета, что надо идти до конца и решительно призываю членов Народного правления проголосовать прямо сейчас за провозглашение после завтра Декларации Независимости. Именно в этот день решается вопрос: быть или не быть еврейскому государству под названием Израиль. Другой такой возможности у нас больше не будет! *(Садится на свое место в зале)*.

БЕН-ГУРИОН. Итак, переходим к голосованию. Я иначе сформулирую вопрос: принять ли предложение Соединенных Штатов Америки не объявлять сейчас о создании государства? Голосуют только члены Народного правления. Из них в зале присутствуют десять человек. *(Считает количество поднятых рук)*. Раз, два, три, четыре. «За» проголосовало четыре члена правления. Значит, шестеро «против». Большинство! Я, как глава Еврейского Агенства, опираясь на Вашу поддержку, принимаю решение о провозглашении 14 мая Декларации Независимости Израиля. Текст Декларации подготовлен с учетом интересов как евреев, так и палестинских арабов. Сионизм не имеет морального права нанести вред даже одному единственному ребенку, даже если это цена всех надежд сионистов. Заседание Народного правления объявляется закрытым.

Сцена погружается в темноту и вскоре вновь освещается.

Та же обстановка салона в доме Голды Меир в Тель-Авиве.

Голда, Залман, Сара и Зехария сидят возле круглого стола.

ЗАЛМАН. А какие впечатления, дорогая Голда, у тебя остались после того всем памятного нам дня 14 мая сорок восьмого года, когда была принята Декларация Независимости?

ГОЛДА. Этот день не забудется никогда! Я жила тогда в гостинице на набережной Тель-Авива. После утреннего собрания Временного Национального совета я вернулась в гостиницу, вымыла голову и надела свое лучшее черное платье. Потом посидела несколько минут для того, чтобы перевести дух и подумать о детях. Из гостиницы машина доставила меня к тель-авивскому музею на бульваре Ротшильда, где было решено провести церемонию провозглашения государства. Когда-то этот дом принадлежал первому мэру Тель-Авива Дизенгофу. У музея уже собралась большая толпа народа. В доме над длинным столом, за которым сидели члены Временного Национального совета, висел большой портрет Теодора Герцля. Ровно в четыре часа началось торжественное заседание. Бен-Гурион, в темном костюме и при галстукке, встал и постучал председательским

молоточком. Мы все поднялись со своих мест и спели наш Национальный гимн «А-Тиква» - «Надежда»

Звучит гимн Израиля «Надежда» в исполнении хора и оркестра.

ГОЛДА. Затем Бен-Гурион торжественно зачитал текст Декларации Независимости, которая заканчивалась призывом к сынам арабского народа, живущим в государстве Израиль, блюсти мир и участвовать в строительстве государства на основе полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех его учреждениях, временных и постоянных. После чтения Декларации и традиционной еврейской молитвы-благословения Бен-Гурион пригласил членов Временного Национального Совета подойти к столу и поставить свои подписи под Декларацией Независимости. Я подошла тогда к столу, за которым сидели Бен-Гурион и Шарет. Между ними лежала Декларация. Подписывая ее, я вдруг открыто заплакала, даже не утирая слез.

САРА. Почему ты плакала, мама, вместо того, чтобы радоваться?

ГОЛДА. Потому что сердце мое разрывалось при мысли о тех, кто должен был бы там быть и кого там не было. Я имела в виду Элияху Голомба и Дова.

ЗАЛМАН. И все-таки, дорогая Голда, этот день стал самым значительным в нашей жизни!

САРА. Конечно, Залман!

ЗЕХАРИЯ. Иначе его не назовешь!

ГОЛДА. *(вытирая глаза платком, восторженно)*. Мы пожимали друг другу руки. Обнимались. Целовались. Израиль стал реальностью. Исполнилась заветная мечта всей моей жизни! И эта мечта родилась еще в далекой юности в Америке, куда переехала наша семья из Пинска. В городе Милуоки, где мы поселились, я уже в 13 лет любила вставать посреди улицы в еврейском квартале и произносить на английском пламенные речи с призывом к созданию своего государства для евреев.

ЗАЛМАН. Ты не раз рассказывала мне, дорогая Голда, о своей первой встрече с Бен-Гурионом в Америке.

ГОЛДА. Да, мы с ним встретились в Милуоки, где он в 1916 году останавливался в доме моих родителей вместе с другом Бен-Цви. Бен Гурион оказал на меня очень сильное влияние. Мы с ним много говорили, и не только о сионизме.

Сцена погружается в темноту и вновь освещается. Действие переносится в дом родителей Голды в Милуоки. За столом сидят друг против друга молодые Бен-Гурион и Голда.

ГОЛДА. Я очень рада, уважаемый Давид Бен-Гурион, что вы с Бен-Цви поселились в доме моих родителей.

БЕН-ГУРИОН. А мы благодарны вам за теплый прием. Откуда ваша семья прибыла в Америку?

ГОЛДА. Я родилась в Киеве, о котором у меня остались ужасные воспоминания, связанные с еврейским погромом. Затем мы переехали в Пинск, откуда отец Моше Мабович, столяр-краснодеревщик по профессии, отправился в Америку на заработки. А спустя три года, когда у него появилась работа, мы прибыли вслед за ним в Милуоки.

БЕН-ГУРИОН. Уже год, как мы с Бен-Цви колесим по Америке, имея две цели. Первая - организовать в городах ячейки движения «А-Халуц», что означает на иврите «Первопроходец». Вторая - создание еврейского легиона в составе армии одной из стран Антанты, воюющих с Германией, Австрией и Турцией. У вас в городе довольно большая еврейская община, и у меня сложилось впечатление, что в ней присутствуют сионистские настроения. Что ты сама, Голда, знаешь об этом?

ГОЛДА. Да, такие настроения в городе имеются, но не в такой степени, как хотелось бы. Что касается меня, то я еще в юные годы увлеклась сионистскими идеями. В 14 лет я сбежала из дома родителей, решивших отдать меня замуж за состоятельного человека, к сестре Шейне в Денвер. Там я училась в средней школе и стала посещать в ее доме еженедельные сионистские собрания. Меня привлекло движение «Поалей Цион» и в 17 лет я вступила в него. Правда, в юности я мечтала стать учительницей, окончила в Милуоки первый семестр учительского колледжа и даже некоторое время преподавала детям английский.

БЕН-ГУРИОН. Это хорошо, милая Голда, что тебе нравится профессия учителя. Люди этой профессии еще будут нужны еврейскому населению Палестины. Но теперь тебе нужно сосредоточить внимание на изучение иврита, нашего древнего еврейского языка.

ГОЛДА. А как же быть с идишем – моим родным языком, и песнями на нем, которые я обожаю?

БЕН-ГУРИОН. *(Улыбаясь)*. На какое-то время идиш останется средством общения между евреями, не говорящими на других языках. Но изучить иврит все-же придется, ибо на нем написана наша Тора, наши древние писания.

ГОЛДА. Я готова, уважаемый Давид Бен-Гурион, прислушаться к вашему совету.

БЕН-ГУРИОН. Но перед теми, кто хочет репатрироваться в Эрец-Исраэль, стоит еще одна первостепенная задача. Евреи должны владеть Эрец-Исраэль, использовать и возделывать ее землю. Я сам, прибыв в Палестину из Польши десять лет назад, работал в качестве сельскохозяйственного рабочего в еврейских поселениях, которые стали называться кибуцами. И нисколько не жалею об этом. Я был из тех радикалов, которые глубоко верят, что только собственный труд может освободить евреев, избавить их от гетто и его ментальности. В этом мы видим смысл движения А-Халуц.

ГОЛДА. Я знаю, что такое труд, но прежде никогда не работала на земле!

БЕН-ГУРИОН. Это не страшно. Научись! В своей статье «Дарование земли» я писал: «Нашу землю мы получим не из рук международного конгресса или правящей державы, а из рук еврейского труженика, который приедет, чтобы пустить в нее корни, жить на ней и оживить ее. Эрец-Исраэль будет нашей, когда мы будем составлять большинство трудящихся на ней и охраняющих ее». Более того, я сформулировал идею, которую буду реализовывать всю жизнь: «дела важнее слов», то есть основание нового поселения в Эрец-Исраэль важнее, чем куча денег, собрания и конгрессы!

ГОЛДА. Я полностью принимаю вашу идею «дела важнее слов»!

БЕН-ГУРИОН. Перед нами стоит извечный еврейский выбор – чью революцию делать – революцию для всех или еврейскую революцию? Я выбрал второй путь и поставил перед собой две цели: возвращение евреев в Сион и создание там общества на социалистических началах!

ГОЛДА. Мне обе эти цели близки!

БЕН-ГУРИОН. Кроме того, в своей деятельности я руководствуюсь двумя правилами. Первое: мы – разрушаем преграды, так как не хотим больше ждать и терпеть. Второе: мы не удовлетворились сионизмом пожертвований и конгрессов и породили сионизм действия.

ГОЛДА. Я также за сионизм действия! Только мне кажется, что не так важно, по какому пути пойдём мы и наши дети. Важно, какая идея будет путеводной. Для меня эта идея состоит в провозглашении нашего еврейского государства.

БЕН-ГУРИОН. Да, это наша конечная цель. Но сначала мы должны подготовить почву для еврейского государства. Мой лозунг «Еще дунам земли, еще одна

корова, еще одна еврейская ферма» должен стать путеводителем рабочего движения в Эрец-Исраэль!

Сцена погружается в темноту и вскоре освещается. Действие возвращается в дом Голды, где на прежних местах сидят Голда, Залман, Сара и Зехария.

ГОЛДА. Эта первая встреча с Бен-Гурионом в Америке в далекой юности мне запомнилась на всю жизнь. Признаюсь, я многим обязана ему своей успешной политической карьерой. Но препятствием для нее неожиданно стала моя любовь к Моррису и последующая за нею семейная жизнь.

САРА. Для тебя, мама, карьера всегда была на первом месте, а семейная жизнь на втором.

ГОЛДА. Возможно, и так. Что делать, если я такую родилась?

ЗАЛМАН. А как ты познакомилась с Моррисом ?

ГОЛДА. Мы познакомились на одном из ночных сионистских собраний у сестры Шейны в американском Денвере. Моррис Мейерсон был самый неразговорчивый, тихий и милый юноша, хорошо образованный и самоучка,

приобщавший меня к классическому искусству, музыке и поэзии. Я восхищалась Моррисом безгранично.

ЗАЛМАН. А был ли Моррис таким же активным сионистом, как и ты, дорогая Голда?

ГОЛДА. С сожалением, нет. Вот в этом кардинальном вопросе для меня мы расходились. Мне пришлось еще за месяц до нашей свадьбы убеждать его поехать со мной в Палестину. Ведь я и подумать не могла, что мы можем быть не вместе. У нас состоялся серьезный разговор на эту тему после прослушивания на патефоне «Лунной» сонаты Бетховена.

На авансцене появляется Моррис с пластинкой, которую он ставит в патефон, стоящий на тумбочке. Звучит начало первой части «Лунной» сонаты Бетховена. Голда поднимается

с кресла и подходит к Моррису. Музыка затихает.

МОРРИС. Тебе нравится «Лунная» соната Бетховена? Не правда ли, гениальная музыка?

ГОЛДА. Да, музыка потрясающая! Она выражает чувство композитора, глубоко пережившего безответную любовь. Но я хотела бы, Моррис, решить с тобой очень важный вопрос!

МОРРИС. Какой, Голда?

ГОЛДА. Мне абсолютно необходимо, чтобы ты, прежде, чем мы поженимся, знал, что я твердо решила жить в Палестине. Я очень хочу выйти за тебя замуж и прошу тебя репатриироваться со мной.

МОРРИС. Не знаю, радоваться или печалиться, что ты стала такой страстной националисткой. Я в этом отношении совершенно пассивен, хотя очень уважаю твою деятельность, как и всякую другую, направленную на помощь страдающему народу. Откуда у тебя такое упорство и упрямство в достижении своей цели?

ГОЛДА. *(Улыбаясь)*. От деда и прабабки, которых, правда, я не знала. Мой дед по отцовской линии был среди тысяч еврейских мальчиков в России, которых заставили 25 лет служить в царской армии. За все время службы, он ни разу, несмотря на все насмешки и угрозы, не прикоснулся к трфному. Его хотели заставить креститься, за неповиновение наказывали. Целыми часами он простаивал на коленях на каменном полу, но он не покорился.

МОРРИС. Такой твердый у него был характер?

ГОЛДА. Такой твердый! Также моя прабабка с материнской стороны, чье имя я ношу, была известна железной волей и любовью командовать. Именно прабабка Голда настояла на том, чтобы мои родители могли пожениться, ибо ее сын, мой дед, был против. «Самое главное, - сказала она, - чтобы это был Человек с большой буквы!». Особенно меня поразил рассказ, что прабабка клала в чай соль вместо сахара, ибо, говорила она, хочу взять на тот свет вкус

галута. И вот что интересно: по словам моих родителей я поразительно на нее похожа!

МОРРИС. Теперь я понимаю, Голда, откуда у тебя такой властный характер! Я очень люблю тебя, но о репатриации в Палестину я должен еще подумать и прийти к самостоятельному решению.

ГОЛДА. И сколько времени тебе надо, чтобы подумать? Ведь ты, Моррис, ставишь меня перед выбором: ты или Палестина, что меня очень мучает. Может, на твое решение повлияет недавно опубликованная Декларация лорда Бальфура? В ней британское правительство заявило, что положительно относится к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа. Я приняла эту Декларацию с восторгом! А ты?

МОРРИС. О восторге еще говорить рано, но эта Декларация заставляет меня серьезно задуматься. Она может повлиять на мое решение ехать с тобой в Палестину.

ГОЛДА. Это совсем другое дело! Так чего же ждать? Будем считать, что ты уже решил! Изгнание евреев кончилось. Теперь в самом деле начнется их объединение! И мы вместе с тобой будем среди миллионов евреев, которые, конечно же, устремятся в Палестину!

Сцена погружается в темноту и вскоре освещается. Действие вновь переносится в дом Голды, где на прежнем месте за круглым столом сидят Голда, Залман, Сара и Зехария.

ГОЛДА. Вот так, наилучшим образом для нас разрешился палестинский вопрос! В декабре 1917 года мы с Моррисом поженились в доме моих родителей в Милуоки по религиозному обычаю и стали собирать деньги на пароход в Палестину.

САРА. Какой ты искусный дипломат, мама, что сумела уговорить папу репатриироваться с тобой в Палестину!

ЗЕХАРИЯ. Это особое искусство!

ЗАЛМАН. Выходит, дорогая Голда, что Декларация Бальфура сыграла тогда огромную роль в вашей семейной с Моррисом жизни!

ГОЛДА. Получается так! Только через четыре года после свадьбы мы вместе с моей сестрой Шейной и ее двумя детьми, взяв с собой патефон, пластинки и одеяла, после тяжелого и долгого пути прибыли в Яффу. Помня совет Бен-Гуриона трудиться в Палестине на земле, я с большим трудом добилась того, чтобы нас приняли в кибуц Мерхавия, что означает «Божьи просторы». Мы прожили в кибуце два с половиной года. Если для меня трудиться в кибуце было великой радостью, то Моррис все время мучился там и серьезно заболел. Между нами произошел тяжелый разговор, который я не могу забыть до сих пор.

Сцена погружается в темноту и вскоре освещается. Действие переносится в кибуц Мерхавия. Скромная комната в сельском домике. Моррис лежит в постели с высокой температурой,

время от времени покашливая. Рядом на стуле сидит Голда.

МОРРИС. Куда же ты меня привезла, дорогая Голда? Видишь, мне здесь, в кибуце, совсем плохо. Я лежу с высокой температурой.

ГОЛДА. Мой дорогой Моррис! Я тебя привезла не куда-нибудь, а в один из лучших кибуцев Израиля, основанный в долине Эмек еще в 1911 году. Здесь я поняла, что еврейский народ имеет право на кусочек земли, где он мог бы жить как свободный, независимый народ!

МОРРИС. Ты твердишь эти слова постоянно каждый день, но от них мне не становится легче. Утром ко мне приходил кибуцный доктор и сказал, что у меня все признаки малярии.

ГОЛДА. Это уже серьезно, мой дорогой Моррис! Но я хочу верить, что ты поправишься, обязательно поправишься! Считаю, что кибуц – это единственное место в мире, где человека судят, принимают и дают возможность полностью проявить себя в родной общине. И это вне зависимости от того, какую работу он делает и как он ее делает, но в зависимости от его человеческой ценности. Да, кибуцники – не ангелы. Но только они в самом деле разделяют поровну почти все проблемы, награды, ответственность и потребление. Думаю, что Бен-Гурион был прав, когда говорил, что кибуцники благодаря своему образу жизни способствуют развитию Израиля несравненно сильнее, чем позволяет их число.

МОРРИС. Может быть, это и так, но кибуцная жизнь не для меня!

ГОЛДА. А я была счастлива все эти годы! Для меня как призыв к действию звучал лозунг Бен-Гуриона: «Еще дунам земли, еще одна корова, еще одна еврейская ферма!». Мне нравилось в кибуце то, что женщины здесь борются не за равные гражданские права – в этом у них недостатка нет, а за равное распределение обязанностей! Они хотят делать те же работы, что и мужчины – мостить дороги, мотыжить землю, строить дома, нести сторожевую службу и поэтому неохотно идут работать на кухню. Но я никогда не отказывалась от кухни, и старалась готовить так, чтобы еда была вкусной! Кроме того, я постигала тайны хлебопечения, училась работать в курятнике. Через год меня избрали в правление кибуца и потом делегатом Мерхавии на съезд кибуцкого движения в Дгани. Можешь ли ты гордиться мною?

МОРРИС. Конечно, могу. Ты молодец, Голда! А вот мне, увы, нечем гордиться. Наоборот, я только страдаю здесь от отсутствия уединения и интеллектуальной ограниченности кибуцников. В Мерхавии никто не интересуется книгами, музыкой, живописью, – просто не с кем об этом разговаривать! Их больше волнуют кибуцные проблемы, а не искусство. Кибуцники мыслят очень односторонне, они чересчур серьезны и лишены чувства юмора. Если бы мы не взяли с собой патефон и пластинки, я бы не смог здесь выжить!

ГОЛДА. Да, согласна, патефон и пластинки очень нужные в быту вещи! Ведь ты без музыки и дня прожить не можешь!

МОРРИС. Но дело не только в патефоне! Здесь мы не можем иметь детей, ибо дети считаются роскошью для кибуца!

ГОЛДА. Таковы кибуцные правила, которые мы не в силах изменить.

МОРРИС. В таком случае сами изменим свою жизнь и уедем отсюда - хотя бы в Тель-Авив. Тем более, что доктор сказал, что лучше уехать, чтобы моя болезнь не стала хронической.

ГОЛДА. Теперь, дорогой Моррис, ясно, что нам придется покинуть кибуц, пока ты не наберешься новых сил. Мне будет очень не хватать жизни в кибуце. Зато в будущем мы сможем позволить себе рожать и воспитывать детей.

МОРРИС. Именно этого я и желаю больше всего! Ведь я всегда был категорически против кибуцкого метода коллективного воспитания.

Сцена погружается в темноту и вскоре освещается.

Действие вновь переносится в дом Голды, где на прежнем месте сидят Голда, Залман, Сара и Зехария

ГОЛДА. Мне было тяжело оторваться от кибуца, но я утешала себя надеждой, что мы скоро вернемся туда. Но вернулась я одна и то ненадолго. Теперь мне там не хватало Морриса. К сожалению, все обернулось по-другому.

САРА. А мне очень жаль папу. Он так страдал в кибуце!

ЗАЛМАН. Ты мне рассказывала, дорогая Голда, что после кибуца вы с Моррисом в Тель-Авиве столкнулись с большими трудностями.

ГОЛДА. Да, это так. Об этом периоде мне нелегко вспоминать. Я с трудом получила место кассирши в Боне Солель, как называется Гистадрутовский комитет гражданского строительства. Но мы с Моррисом в Тель-Авиве так и не прижились. Поэтому охотно согласились, когда Давид Ремез, занимавший важную должность в Гистадруте, предложил нам работать в Иерусалимском отделении Гражданского строительства.

ЗАЛМАН. И вы, кажется, с Моррисом были этому очень рады.

ГОЛДА. Как сказать. Все оказалось не так просто. Один за другим у нас родились дети: сначала сын Менахем, потом ты, милая Сара. После твоего рождения мне пришлось уйти с работы в Солель-Боне, чтобы посвятить все время семье. Теперь мы жили на одну зарплату Морриса. Четыре года, которые мы прожили в Иерусалиме, стали самыми трудными годами моей жизни. Но не беспросветная бедность и даже не вечный страх, что дети останутся голодными, были причиной того, что я чувствовала себя несчастной. Главным тут было одиночество и вечное сознание, что я лишена как раз того, ради чего и приехала в Палестину. Я понимала, что в конфликте между долгом и самым сокровенными желаниями долг для меня важнее всего.

ЗАЛМАН. И тут очень кстати ты вновь встретила с Давидом Ремезом!

ГОЛДА. Да, это случилось в 1928 году в один дождливый день в Тель-Авиве, куда я приехала из Иерусалима по срочным делам. Он расспросил меня, как

я живу, и вдруг предложил мне работу в качестве секретаря Женского рабочего совета Гистадрута. Мне пришлось принимать нелегкое решение. Я должна была признать тот факт, что возвращение на работу означало бы конец всем моим попыткам целиком посвятить себя семье.

ЗАЛМАН. И ты об этом никогда не жалела?

ГОЛДА. Если честно сказать, никогда! Мое решение означало, что мы с Моррисом расстаемся, хотя окончательно расстались только десять лет спустя без оформления развода. Он оставался прекрасным отцом даже после того, как мы стали жить раздельно. Вот тогда моя карьера пошла в гору. Бен-Гурион предложил мне занять пост главы политического отдела Гистадрута. Спустя пять лет после прихода к власти звериного расиста Гитлера меня в этом статусе летом 1938 года послали на международную конференцию во французском городке Эвиане. Она была созвана американским президентом Франклином Рузвельтом для решения судьбы еврейских беженцев из Германии и Австрии, наводнивших тогда всю Европу.

ЗАЛМАН. Ты мне рассказывала, что у тебя после нее остались грустные впечатления.

ГОЛДА. Именно так. Я присутствовала на конференции в странном качестве «еврейского наблюдателя из Палестины» и даже сидела не с делегатами, а в зале. Страшное это было дело – сидеть в роскошном зале и слушать, как делегаты их 32 стран поочередно объясняют, что они хотели бы принять значительное число беженцев, но что, к несчастью, не в состоянии это сделать. В тот момент я испытывала всю смесь горя, ярости, разочарования и ужаса.

Мне хотелось встать и крикнуть всем им: «Вы что, не понимаете, что эти «цифры» - живые люди, которые обречены на смерть в концлагерях или скитаться по миру, как прокаженные?» Перед отъездом из Эвиана я решила устроить пресс-конференцию, на которой сказала (*Выходит на авансцену и говорит в микрофон*): «Только одно хочу я увидеть, прежде, чем умру – чтобы мой народ больше не нуждался в выражениях сочувствия!». (*Отходит от микрофона и садится на свое кресло в салоне рядом с Залманом*).

ЗАЛМАН. Положение еврейских беженцев еще больше усугубилось в следующем, 1939 году, когда Британия издала свою Белую книгу.

ГОЛДА. Правительство Чемберлена поддалось арабскому шантажу почти также, как поддалось нацистскому. Фактически британский мандат кончился с «Белой книгой», в которой еврейские закупки земли в Палестине прекращались, а еврейская репатриация сильно сокращалась. Будь у нас свое крошечное еврейское государство, сотни тысяч евреев можно было бы спасти от нацистских крематориев и газовых камер. В сентябре 1939 года, когда разразилась вторая мировая война, Бен-Гурион резко, но очень ясно определил нашу позицию: «Мы будем бороться с Гитлером так, как если бы

не было «Белой книги», и будем бороться с «Белой книгой» так, как если бы не было Гитлера!».

ЗАЛМАН. А через шесть лет после окончания войны твой муж Моррис ушел из жизни.

САРА. Мы с Менахемом очень переживали смерть папы.

ГОЛДА. Я горько жалею о том, что, хотя мы с Моррисом любили друг друга до самой его смерти в моем доме в 1951 году, мне не удалось сделать наш брак удачным. Трагедия была не в том, что Моррис меня не понимал, - напротив, он слишком хорошо меня понимал и знал, что не может ни создать меня заново, ни переделать. Я оставалась сама собой, а из-за этого у него не могло быть такой жены, которую он хотел бы иметь и в которой нуждался. Получив за границей телеграмму о смерти Морриса, я немедленно полетела в Израиль – на похороны. Плача над его могилой я снова поняла, какую тяжкую цену я заплатила – и заставила заплатить Морриса – за все, что пережила и совершила в годы нашей разлуки.

ЗАЛМАН. Да, дорогая Голда, за все в нашей жизни мы должны платить. Зато, работая в Еврейском агенстве, Гистадруте и затем в правительстве, ты много сделала для создания, обороны и развития нашего еврейского государства.

ГОЛДА. Да, дорогой Залман, мне выпало большое счастье участвовать в подписании Декларации Независимости Израиля. После провозглашения государства я была до предела загружена государственной работой в разных должностях и сама удивляюсь, как могла выдержать эту колоссальную нагрузку! При этом я не сдавалась и стремилась показать нашим врагам, с какой волевой женщиной им приходилось иметь дело!

САРА. Мама, как ты радовалась, когда 15 мая, спустя всего восемь часов после провозглашения Декларации Независимости, американский президент Трумен заявил о признании еврейского государства де-факто.

ЗЕХАРИЯ. А спустя четыре дня после подписания Декларации, Советский Союз признал Израиль де-юре!

ГОЛДА. Теперь я не сомневаюсь, что для Советского Союза главной причиной поддержки резолюции о разделе Палестины на два государства было изгнание Британии с Ближнего Востока. В этом наши с Советами цели совпали!

ЗАЛМАН. Как и ожидалось, утром 15 мая сорок восьмого года только что созданное еврейское государство было атаковано пятью арабскими странами, отвергнувшими резолюцию ООН. И тогда вновь остро встал вопрос об оружии для нашей армии!

ГОЛДА. И вместе с ним вопрос о деньгах для покупки этого оружия. Мы поспорили с Бен-Гурионом, кто из нас поедет в Америку за деньгами. Он хотел отправиться сам, но я настояла, что в Соединенные Штаты поеду я, так

как с моим английским мне было легче собирать деньги среди евреев Америки.

ЗАЛМАН. И ты тогда снова собрала, кажется, 50 миллионов долларов.

ГОЛДА. Нет, на этот раз больше, намного больше! В Штатах евреи меня приветствовали так, как если бы я была живым воплощением Израиля! Снова и снова я рассказывала, как было провозглашено наше государство, как началась война, как происходила осада Иерусалима. Я выступала в разных городах Америки, где есть еврейская община, и всюду мою речь встречали аплодисментами. И вот как я отвечала на них.

Голда поднимается с кресла и выходит на авансцену к микрофону, как бы обращаясь к американским евреям.

ГОЛДА. *(В микрофон)*. Мои американские друзья! Государство Израиль не может прожить на аплодисменты. Войну не выиграешь речами, декларациями и даже слезами радости. Главное – это выиграть время. Иначе аплодировать будет нечему. Мы не можем обойтись без вашей помощи. Мы просто хотим остаться в живых! И мы просим разделить нашу ответственность и все, что входит в это понятие – трудности, проблемы, беды и радости. Ведь то, что происходит в еврейском мире сейчас, так серьезно, так жизненно важно, что и вы можете изменить свой образ жизни – на год, на два, на три – пока мы все вместе не поставим Израиль на ноги. Решайтесь же и дайте мне ответ.

ЗАЛМАН. И ты получила достойный ответ!

ГОЛДА. Да, ответ был дан – невиданно щедрый и скорый, от всего сердца, от всей души!

ЗАЛМАН. Собранные тобою деньги бесспорно помогли нам выиграть войну.

САРА. Еще бы!

ЗЕХАРИЯ. В этом нет никакого сомнения!

ГОЛДА. А в начале июня я в Америке получила сообщение о назначении меня послом в Москве. Признаюсь, меня эта весть не очень обрадовала, так как из Америки мне хотелось поскорее вернуться в Израиль, чтобы помочь стране в самое трудное время войны за Независимость. Но вместо этого я оказалась в нью-йоркском госпитале после того, как попала в аварию, сидя в такси!

ЗАЛМАН. Бен-Гурион и все руководство Гистадрута очень волновались за тебя. Я каждый день молился за твое здоровье!

САРА. А мы с Зехарией, мамочка, еще как волновались! Слава Богу, ты поправилась, вернулась в Тель-Авив, и мы в доме тети Шейны сыграли нашу свадьбу!

ЗЕХАРИЯ. Как приятно это вспоминать!

САРА. Еще приятнее было узнать, что мы с Зехарией получили назначение в московское посольство радистами и едем в Москву с мамой!

ГОЛДА. Как я была рада этой новости!

ЗАЛМАН. А как ты сама оцениваешь свою миссию дипломата в ранге посла в Москве?

ГОЛДА. С получения этой ответственной должности открылась новая страница в моей общественной деятельности. Выполнять дипломатическую миссию в ранге посла в Москве было очень нелегко. В первую же субботу после прибытия в столицу и вручения верительных грамот все наше посольство пешком отправилось в главную московскую синагогу. Там мы увидели около ста пятидесяти бедно одетых старых евреев. По обычаю, в конце службы было произнесено благословение и пожелание доброго здоровья главным членам правительства – а потом, к моему изумлению, и мне.

ЗАЛМАН. Получить благословение от главного московского раввина – это огромный почет!

ГОЛДА. Тогда я спустилась вниз с женской галереи и вручила главному раввину от имени правительства Израиля подарок – свиток Торы и 3500 рублей - крупную по тому времени сумму.

САРА. Мы с Зехарией, мамочка, очень гордились тобой!

ГОЛДА. Признаюсь, в качестве посла Израиля в Москве мне страстно хотелось завязать связи с советскими евреями. Какие они? Что еврейского осталось в них? Ведь они столько лет прожили при режиме, который объявил войну не только всякой религии, но особенно иудаизму, и считал сионизм наказуемым преступлением.

ЗАЛМАН. Тогда антисемитизм в Советском Союзе расцвел пышным цветом.

ГОЛДА. В моем сознании не укладывались рядом помощь Советского Союза в создании и обороне Израиля и его оголтелая антисемитская политика! После Второй мировой войны, в которой погибли миллионы русских евреев, большая часть еврейских школ и газет не были восстановлены. Начался тот злобный, направляемый правительством антисемитизм, когда евреи преследовались широко и беспощадно, а еврейские интеллигенты – актеры, врачи, писатели – были высланы в лагеря за так называемый «космополитизм» и «Сионистский империализм».

ЗЕХАРИЯ. В самой московской атмосфере ощущалась какая-то враждебная подозрительность к евреям, приезжающим в СССР из Израиля.

САРА. Мы чувствовали ее очень остро!

ГОЛДА. Потом наступил праздник Рош-а-шана, и я решила, что на новогоднюю еврейскую службу посольство опять явится в полном составе. Однако перед праздником в «Правде» появилась большая статья Ильи Эренбурга, который сам был евреем. «Если бы не Сталин, - набожно писал Эренбург, - никакого еврейского государства не было бы и в помине».

ЗАЛМАН. Это типичный ассимилированный еврей, превратившийся в советского апологета.

ГОЛДА. Когда мы подошли к главной синагоге, вся улица перед нею была не узнаваема. Тут нас ожидала пятидесятитысячная толпа. Они пришли – добрые и храбрые евреи, чтобы отпраздновать создание государства Израиль, и я была для них символом этого государства. Тогда я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух. Тут Россия, со всем своим могуществом, потерпела поражение. Евреи остались евреями!

ЗАЛМАН. Всевышний воздал им честь и хвалу и потом многим из них помог репатриироваться в Израиль!

ГОЛДА. В Йом-Кипур мы снова были в Московской синагоге, и тысячи евреев опять окружили её. Помню, как главный раввин прочитал заключительные слова службы: «В будущем году в Иерусалиме» и как трепет пробежал по синагоге. Диссонансом к этому настроению стала моя встреча с Ильей Эренбургом, с которым я удостоилась чести познакомиться. Встреча состоялась в чешском посольстве на праздновании Дня независимости Чехословакии. Эренбург был совершенно пьян, что с ним, как мне сказали, бывало нередко, и с самого начала держался агрессивно. Он обратился ко мне по-русски.

Голда поднимается с места и выходит на авансцену, где к ней подходит, несколько шатаясь, Эренбург.

ГОЛДА. Я, к сожалению, неважно говорю по-русски. А вы говорите по-английски?

ЭРЕНБУРГ. (*Сердито*). Ненавижу евреев, родившихся в России, которые говорят по-английски!

ГОЛДА. А я жалею евреев, которые не говорят на иврите или хотя бы на идиш.

ЭРЕНБУРГ. А зачем мне иврит и идиш, если я могу прекрасно говорить и писать по-русски? Мои стихи, статьи, романы и книги имеют огромный успех в Советском Союзе, а некоторые произведения переведены на другие языки. Я уже не говорю о товарище Сталине, который не пропускает ни одной моей статьи в газете «Правда». А в годы Великой Отечественной войны мои очерки вдохновляли советских воинов, летчиков, моряков и тружеников тыла на новые боевые и трудовые подвиги!

ГОЛДА. А как же еврейский народ? Он для вас, господин Эренбург, не существует?

ЭРЕНБУРГ. Нет такого понятия – еврейский народ! Евреям Советского Союза нет дела до государства Израиль! У нас нет еврейского вопроса, и нужды в еврейском государстве не ощущается. Зато в Советском Союзе есть Еврейская Автономная область Биробиджан, где вольно трудятся советские евреи, воплощающие в жизнь великие идеи Ленина и Сталина. Им там хорошо. А государство Израиль необходимо для евреев капиталистических стран, где процветает антисемитизм. В СССР нет такого явления, как

антисемитизм. Наши евреи могут свободно посещать синагогу и исповедовать иудаизм. В одной Москве только три синагоги!

ГОЛДА. А я думаю, что многие из московских евреев, которые приветствовали нас, хотели бы репатриироваться в Израиль.

ЭРЕНБУРГ. Скорее Луна упадет на Землю, чем советские евреи репатрируются в Израиль!

ГОЛДА. А я думаю иначе. Еще до падения Луны на Землю в Израиле окажутся тысячи евреев из Советского Союза. Я сама приложу к этому все усилия!

До свидания, господин Эренбург!

Эренбург уходит со сцены. Голда возвращается на свое место в кресле возле круглого стола.

ЗАЛМАН. Эренбург очень талантлив, как писатель, но, к сожалению, посвятил свой талант прославлению диктаторского режима Сталина. Поэтому он был вынужден поддерживать политику вождя в отношении советских евреев.

ГОЛДА. Зато, в отличие от Эренбурга, у меня осталось светлое воспоминание от общения с Полиной Жемчужиной. Эта интересная и приятная встреча произошла на приеме у министра иностранных дел Вячеслава Молотова, ее мужа, по случаю годовщины русской революции. Оказалось, что Полина - еврейка, и мы говорили с нею на идиш! На прощание мы тепло обняли друг друга и стали быстро друзьями.

САРА. Мама, спасибо, что ты познакомила меня с Полиной, которую я сразу полюбила!

ГОЛДА. С тех пор я больше никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала. Много позже один из американских корреспондентов рассказал мне, что через месяц после разговора со мною Полина была арестована и за измену родине и связи с сионистами отправлена на пять лет ссылки в Казахстан. Молотов был снят с занимаемых государственных должностей. Только после смерти Сталина Полине разрешили вернуться в Москву и соединиться с Молотовым.

ЗАЛМАН. Позже мы узнали, какие страшные события происходили в Советском Союзе в послевоенное время. Еще в январе сорок восьмого года в Минске был убит председатель Еврейского антифашистского комитета известный артист Соломон Михоэлс. В ноябре того же года было возбуждено уголовное дело в отношении большой группы еврейских общественных деятелей – членов Комитета, многие из которых были расстреляны по приговору суда. В 1952 году было сфабриковано еще одно уголовное дело врачей–вредителей, в большинстве еврейской национальности, обвиненных в заговоре и убийстве советских руководителей. Только смерть Сталина предотвратила их казнь..

ГОЛДА. Еще в январе 1949 года стало ясно, что советские евреи дорого заплатят за прием, который они нам оказали. Слишком большой интерес к Израилю и к нашему посольству проявило русское еврейство, чтобы это

могло понравиться в Кремле. За все время, что я была послом в Москве, я возвращалась в Израиль дважды и каждый раз с таким чувством, будто возвращаюсь с другой планеты. Из огромного холодного царства всеобщей подозрительности, враждебности и молчания я попадала в тепло маленькой страны, все еще воюющей, преисполненной надежд, демократической и, главное, своей!

ЗАЛМАН. Как хорошо, что теперь нам есть куда возвращаться из любой точки мира, где мы окажемся!

САРА. Это такое счастье!

ЗЕХАРИЯ. Еще какое счастье!

ГОЛДА. 29 апреля 1949 года после семи месяцев службы посла в Москве я окончательно вернулась в страну. К тому времени Бен-Гурион после выборов в Кнессет назначил меня в своем первом правительстве министром труда и социального страхования.

ЗАЛМАН. А меня – министром образования и культуры!

ГОЛДА. Если бы ты знал, дорогой Залман, какую я почувствовала радость, когда снова стала жить и работать в своей любимой стране! Я словно опять возродилась к жизни! В Москве в должности посла мне приходилось в основном заниматься бумаготворчеством – писать отчеты, донесения, оценки текущей ситуации и прочее. А в новой должности я почувствовала себя той, какой должна была быть! То есть, могла трудиться для Израиля, для нашего народа, чтобы сделать лучше его жизнь! Даже сейчас мне не сидится на одном месте! *(Поднимается с кресла и начинает ходить туда и обратно по салону)*

ЗАЛМАН. А я могу гордиться тем, что мне удалось, несмотря на большое сопротивление в Кнессете, провести в стране реформу всеобщего школьного образования!

ГОЛДА. За это, дорогой Залман, страна будет тебе век благодарна! В первые годы молодого государства население Израиля благодаря репатриации евреев из арабских и других стран удвоилось! Самой значительной была переправка на огромных транспортных самолетах евреев из Йемена. Эта операция получила название «Ковер-самолет». В Израиль было доставлено 48 тысяч йеменских евреев! И среди них был ты, Зехария!

САРА. Мама, в этом есть и твоя заслуга!

ЗЕХАРИЯ. Не подлежит никакому сомнению!

ГОЛДА. На посту министра труда и социального страхования мне пришлось заниматься проблемами расселения и трудоустройства 684 тысяч евреев, прибывших из семидесяти стран. Они жили в палаточных лагерях, разбросанных по всей стране. На строительство домов и дорог денег не хватало, и тогда я вновь поехала в Соединенные Штаты собирать деньги у американских евреев.

ЗАЛМАН. *(Хлопает в ладоши)*. И в этом ты, дорогая Голда, снова преуспела! Но главное твоё достижение на посту министра труда я вижу в том, что тебе удалось провести через Кнессет закон о национальном страховании! Другое твоё достижение = это осуществление ещё одного важного проекта, который касался профессионального обучения детей и взрослых.

ГОЛДА. За этот проект, как и за закон о страховании, мне также пришлось бороться!

ЗАЛМАН. Потом ты сменила министерство, когда Бен-Гурион предложил тебе пост министра иностранных дел.

ГОЛДА. Если признаться, дорогой Залман, я не очень хотела уходить из министерства труда и социального страхования, но разве со Стариком поспоришь? При этом он потребовал, чтобы я взяла новую фамилию и сменила «Меерсон» на «Меир».

ЗАЛМАН. Меир в переводе с иврита означает «сияющий». Тебе вполне подходит! Голда Меир звучит намного лучше!

ГОЛДА. Пожалуй, ты прав.

ЗАЛМАН. После назначения тебя министром иностранных дел, дорогая Голда, журналисты не раз задавали тебе вопрос: «Трудно ли быть единственной женщиной в правительстве Бен-Гуриона?»

ГОЛДА. На что я всегда с улыбкой отвечала: «Не знаю. Я никогда не пробовала быть мужчиной».

САРА. Мама, по силе воле и ума ты не уступаешь мужчинам!

ЗЕХАРИЯ. Как мужчина, могу подтвердить, что это так!

ЗАЛМАН. Я всегда говорил, дорогая Голда, что у тебя государственный ум!

ГОЛДА. С первого дня работы в должности министра иностранных дел и в течение последующих двадцати лет мне пришлось бороться против попыток арабских стран уничтожить нашу страну.

ЗАЛМАН. Во время Синайской кампании, к сожалению, ООН под нажимом Советского Союза и США приняла резолюцию о выводе всех иностранных войск из Синая и Газы.

ГОЛДА. В декабре 1956 года я отправилась в Нью-Йорк, где в ответ на заявление египетского президента Насера о намерении уничтожить Израиль, выступила на Ассамблее ООН с большой речью. Цель моей речи была более, чем важная: показать причины ненависти арабских лидеров к Израилю. Вот что я сказала тогда. *(Выходит на авансцену к микрофону)*: «В этой конфликтной ситуации главная проблема – систематическая, организованная арабская враждебность к Израилю. Эта ненависть не родилась сама собой. Она искусственно выращена и вскормлена. Не Израиль, как здесь говорилось до меня, является орудием колониализма. Это израильско-арабский конфликт держит весь Ближний Восток во власти опасно соперничающих сил. Только ликвидировав этот конфликт, народы региона смогут независимо

и с надеждой на будущее строить свою судьбу». (*Садится в свое кресло возле круглого стола*).

ЗАЛМАН. Ты вновь протянула руку мира и дружбы арабам.

ГОЛДА. После Синайской кампании я поняла, как важно установить более тесные связи с Соединенными штатами на фоне улучшения отношений Советского Союза с арабскими странами. Я дважды встречалась с президентом Джоном Кеннеди. Во второй раз во Флориде, где он проводил отпуск незадолго до его убийства.

ЗАЛМАН. И о чем вы говорили?

ГОЛДА. Я вкратце рассказала ему историю еврейского народа с древних времен. Сказала, что в наше время перед правительством Израиля стоит величайшая ответственность – ответственность за будущее страны. На нашей стене огненными буквами написано: «Остерегайтесь снова потерять независимость, ибо на этот раз вы можете потерять ее навсегда». После нашей беседы президент Кеннеди наклонился ко мне, взял за руку, посмотрел прямо в глаза и сказал очень торжественно:

ГОЛОС КЕННЕДИ. Я понимаю, миссис Меир. Не беспокойтесь. С Израилем ничего не случится.

ЗАЛМАН. Жаль только, что его убили. Но ты не напрасно встречалась с ним. Начиная с президента Кеннеди, между Израилем и Америкой установились тесные, дружеские отношения. Они могут служить гарантией нашей независимости и безопасности!

ГОЛДА. И, все же, я думаю, мой главный вклад как министра иностранных дел, проявился в совсем иной сфере. Речь идет о роли, которую Израиль стал играть в развивающихся странах Латинской Америки, Азии и, в особенности – Африки. Это и в моей жизни открыло новую страницу. Программой международного сотрудничества и технической помощи, которую мы оказали народам Африки, я горжусь больше, чем любым другим нашим проектом!

ЗАЛМАН. Ты, дорогая Голда, наверное, объехала весь земной шар?

ГОЛДА. За время моей девятилетней каденции на посту министра иностранных дел я объехала почти весь земной шар и не побывала разве что в Китае, Австралии и Южной Америке. Но к концу 1965 года я стала понимать, что надо отдохнуть. После ухода в отставку с поста министра иностранных дел я построила себе вот этот дом в предместье Тель-Авива и поселилась в нем с Менахемом и его семьей. Хотя дом был в четыре раза меньше министерской резиденции, это было именно то, чего я хотела. С первого же дня я почувствовала себя в нем комфортно.

ЗАЛМАН. Мне всегда, дорогая Голда, в твоём доме уютно.

САРА. Скажу, мама,- дом просто замечательный!

ЗЕХАРИЯ. О таком доме с садиком, как ваш, Голда, можно только мечтать!

ЗАЛМАН. Но тебе, Голда, так и не дали как следует отдохнуть.

ГОЛДА. Это так. Мой покой нарушался и не раз. Нужно было помочь объединению партии, которую потрясло «дело Лавона», связанное с арестом и казнью наших разведчиков в Египте. Что и говорить, партии, как никогда, было необходимо единство. Мапай была ослаблена расколом. Он угрожал тому, что руководству рабочей партии наступит конец, если как можно скорее не будет создан единый рабочий фронт.

ЗАЛМАН. Да, наша партия тогда переживала трудные времена.

ГОЛДА. «Существует только один такой человек, - утверждали мои коллеги по партии, - только один, у которого есть все необходимые качества и время, чтобы взяться за наведение мостов и примирение разных точек зрения». От меня им было нужно только одно: чтобы я стала Генеральным секретарем своей партии МАПАЙ. И как ни мучительно мне было пожертвовать впервые обретенным спокойствием, я не могла отказаться ни от своих принципов, ни от своих коллег. Я согласилась и снова стала работать, разъезжать, выступать на митингах, встречаться с разными людьми.

ЗАЛМАН. Благодаря тебе, Голда, партия смогла выйти из кризиса!

ГОЛДА. А в июне 1967 года грянула Шестидневная война. Я, конечно, уже не была членом кабинета, но, естественно, меня не могли не позвать, когда кабинет принимал решения о жизни или смерти!

ЗАЛМАН. Война для Израиля оказалась победоносной!

ГОЛДА. Это так, к нашей великой радости! Но перед началом войны в воздухе страны ощущалась большая тревога. Вновь египетский президент Насер кричал по каирскому радио:

ГОЛОС НАСЕРА. *(По радио)*. Наша цель – уничтожить Израиль! Речь идет не об Акабе, не о Тиранском проливе, не о войсках ООН. Речь об агрессии, совершенной против Палестины в 1948 году!

ГОЛДА. Вопрос о существовании Израиля был вновь поставлен на карту. Западный мир от нас отвернулся. Русские на все сто процентов поддерживали арабов. Для нас вопрос был в том, как выжить народу. Ответ ни у кого не вызывал сомнения. Только победа позволит нам выжить! Недостаточно верить в победу, надо еще иметь запас жизненной силы, чтобы преодолеть препятствия, объединиться и бороться!

ЗАЛМАН. Я тогда занимал пост президента страны, и хорошо помню, как народ перед реальной угрозой уничтожения стремился к единению.

ГОЛДА. То, что премьер-министр Леви Эшколь слегка заикался, говоря о том, чтобы послать свой народ на битву, делает ему честь. Лидер, который без колебаний ввергает свой народ в войну, не годится на роль лидера.

ЗАЛМАН. Внушительным итогом Шестидневной войны стало занятие нашими войсками обширных территорий на юге и севере страны. Старый город со Стеной плача и Восточный Иерусалим снова стали наши! А после войны, дорогая Голда, тебе пришлось заниматься объединением рабочих партий.

ГОЛДА. Да, дорогой Залман. Это была очень кропотливая работа. В результате было создано объединение четырех рабочих партий под названием Маарах, и меня избрали его Генеральным секретарем.

ЗАЛМАН. А спустя год, тебя, дорогая Голда, от партии МААРАХ избрали кандидатом на пост премьер-министра Израиля.

ГОЛДА. Я не очень обрадовалась этому назначению, так как перед этим 26 февраля от сердечного приступа скончался Леви Эшколь, мой большой друг.

ГОЛДА. После дней траура коллеги по партийному руководству стали упорно уговаривать меня согласиться занять пост премьер-министра.

ЗАЛМАН. И я, как президент, упрашивал тебя, дорогая Голда. Но ты колебалась.

ГОЛДА. Да, я никак не могла решиться. С одной стороны, я понимала, что если я не соглашусь, то начнется отчаянная борьба между Даяном и Алоном. С другой стороны, хотелось посоветоваться с родными. Позвонила Менахему в Коннектикут, затем пригласила к себе на ночь вас, Сара и Зехария, и все вы дали согласие на то, чтобы я стала премьер-министром.

САРА. Я тогда сказала, мама, что мы понимаем, как тебе будет трудно. Труднее, чем кто-либо мог себе представить. Но тут просто у партии не было другого выбора.

ГОЛДА. И я согласилась. 7 марта 1969 года центральный комитет Рабочей партии Маарах проголосовал за мое назначение премьер-министром – семьдесят – за, ни одного против, фракция Рафи с Бен-Гурионом во главе воздержалась. Так началось мое премьерство, продолжавшееся пять лет. Но это уже другая, трагическая история...

САРА. *(Поднимаясь с места)*. Мамочка, будем прощаться. Нам пора ехать в кибуц Ревивим. Тебе надо отдохнуть и успокоиться! *(Целует Голду)*.

ЗЕХАРИЯ. У вас, дорогая Голда, нам было очень хорошо! До ста двадцати!

ГОЛДА. Спасибо вам, мои дорогие, что провели со мной день рождения!

ЗАЛМАН. Прощайте, милая Сара и Зехария! А я еще посижу у Голды.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Салон в доме Голды в Северном Тель-Авиве. У журнального столика в креслах сидят Голда и Залман, пьющие кофе. На столике кофейник, телефонный аппарат, газеты и небольшой микрофон. В стороне, на авансцене стоят еще два микрофона для пресс-конференций. Вечер того же дня 3 мая 1974 года.

ЗАЛМАН. Так случилось, дорогая Голда, что твое премьерство началось с одной войны и закончилось другой войной.

ГОЛДА. Это так, дорогой Залман, когда я вступила в новую должность, шла война с Египтом на истощение, инициированная президентом Насером. Он надеялся, что под постоянным огнем, терпя вечные потери, мы не выстоим на Суэцком канале. Надеялся, что сломленные телом и духом, отступим, не добившись ни мира, ни окончания конфликта.

ЗАЛМАН. Но Насер глубоко просчитался в своих планах покорить Израиль!

ГОЛДА. Мы не сдались – просто потому, что не могли себе этого позволить.

ЗАЛМАН. Вскоре после избрания на пост премьер-министра ты провела свою первую пресс-конференцию в ранге главы правительства.

Голда, поднявшись с места, подходит к микрофону, установленному на авансцене.

ГОЛДА. *(В микрофон)*. Добрый день, уважаемые журналисты! Я рада приветствовать вас на первой своей пресс-конференции в новом статусе премьер-министра Израиля и готова ответить на ваши вопросы.

ВОПРОС. Скажите, госпожа Голда, было ли для Вас неожиданным назначение на пост премьер-министра после внезапной кончины Леви Эшколя?

ГОЛДА. Я меньше всего думала о том, что стану премьер-министром. Я была в трауре, когда мои коллеги по партии предложили мне занять этот пост. Я никак не могла решиться. Вечером ко мне зашел редактор одной из газет и сказал, что, по общему мнению руководства, я единственный человек в партии, достаточно авторитетный, опытный и уважаемый, который должен занять место Эшколя. И тогда я дала свое согласие.

ВОПРОС. Что Вы почувствовали в ту минуту, когда Центральный комитет партии Маарах избрал Вас премьер-министром Израиля?

ГОЛДА. Мне хотелось бы найти для ответа поэтическую форму. Но я только помню, что у меня по щекам текли слезы, что я закрыла лицо руками, когда голосование закончилось. А из своих чувств помню лишь изумление. Тут я

поняла, что мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей. Вероятно, от того я и плакала.

ВОПРОС. Что Вы думаете о пути, который довел Вас из Киева до кабинета премьера?

ГОЛДА. Тогда на размышления о моем пути у меня времени не хватало. Да и сейчас, когда времени хватает, эти мысли и раздумья о пути, который довел меня из Киева до кабинета премьера, больше меня не занимают. Собственно, я вообще никогда не думала о должностях. Все мои мысли были заняты только тем, как улучшить жизнь нашего народа и обеспечить безопасность нашей страны. При этом наша судьба не может быть определена другими.

ВОПРОС. Скажите, пожалуйста, как вы представляете себя лидером страны?

ГОЛДА. Я могу быть премьер-министром только по собственному крою. А это означает разговаривать с людьми, желавшими со мной разговаривать, и выслушивать людей, которые имели, что мне сказать.

ВОПРОС. Вот вы, Голда Меир, возглавляете блок рабочих партий Маарах. Вам самой знаком физический труд?

ГОЛДА. *(Показывает руки)*. Вот мои руки, которые ответят на ваш вопрос. Это руки женщины-труженицы, женщины-матери. Какую только работу им ни приходилось делать: убирать, мыть, стирать, готовить, носить, вытирать, шить, полоть, доить, выращивать кур, сушить болота, работать на земле и многое другое. Еще в юности в Америке я вступила в партию Поалей Сион - Рабочие Сиона.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, с чего и когда началась ваша общественная деятельность?

ГОЛДА. Это было зимой 1918 года, когда я жила еще в Америке, и меня избрали в состав делегации от еврейской общины Милуоки на Американский Еврейский Конгресс, который провел свою первую сессию в Филадельфии. Тут были моменты такой высоты, что после них человек мог умереть счастливым. ВОПРОС. Как вы представляете себе сионистское движение и вообще сионизм?

ГОЛДА. Если в шутку, то сионизм это такая болезнь, которая излечивается только в Израиле. А если всерьез, то слово «сионизм» связано с возвращением еврейского народа в страну их отцов – на землю Израиля. Сионизм - словно драма, поставленная на разных сценах, на разных языках, по-разному, но везде разрабатывавшая одну и ту же тему: так называемый «еврейский вопрос». Этот вопрос возник в результате того, что у евреев не было своего дома. «Еврейский вопрос» не мог быть разрешен до тех пор, пока у евреев не появилась собственная страна.

ВОПРОС. Почему вы полагаете, что именно Сион должен был стать возрожденной еврейской страной?

ГОЛДА. Для меня очевидно, что этой страной мог быть только Сион, - страна, откуда евреев изгнали две тысячи лет назад. Но она оставалась духовным центром еврейства и на протяжении последних четырех веков до конца Первой мировой войны была запущенной и заброшенной провинцией Османской империи под названием «Палестина». Затем мандат на Палестину от ООН получила Великобритания. Но она так и не выполнила своего обещания, заявленного в Декларации Бальфура: создать на этой земле еврейский национальный очаг. И только после победы над Гитлером во Второй мировой войне и страшной Катастрофы, в которой погибли миллионы евреев, оказалось возможным возрождение еврейского государства.

ВОПРОС. Как вы собираетесь на посту премьер-министра строить свои отношения с арабскими странами?

ГОЛДА. В июне 1967 года победно завершилась Шестидневная война с Египтом, Сирией и Иорданией, в результате которой израильские войска заняли Синайский полуостров, Газу, Самарию, Иудею, Голанские высоты и Восточный Иерусалим. Вместе с нашими парашютистами я подошла к Западной стене и со слезами на глазах поцеловала ее. Это был один из самых счастливых дней моей жизни! Большинству из нас уже казалось, что вот-вот забрезжит новый день, когда арабы, разбитые в войне, согласятся, наконец, сесть за стол переговоров и обсудить наши разногласия.

ВОПРОС. Почему вашим надеждам не дано было сбыться?

ГОЛДА. Потому, что арабы, вопреки нашему ожиданию, только ожесточили свою позицию. В августе того же года арабские страны на Хартумской конференции в верхах пришли к совершенно противоположному выводу. Они провозгласили три свои знаменитые нет: нет – миру с Израилем, нет – признания Израиля, нет – переговорам.

ВОПРОС. В принятой Советом Безопасности резолюции 242 говорится, что Израиль должен полностью и безоговорочно покинуть территории, занятые в Шестидневной войне. Думаете ли вы их возвращать?

ГОЛДА. Как мы можем вернуть оккупированные территории? Вернуть их некому. Мы не можем отправить их президенту Насеру по почте.

Общий смех в зале.

ВОПРОС. Готов ли Израиль вернуться к границам 4 июня 1967 года перед Шестидневной войной или к границам 1949 года, как требует президент Египта Насер?

ГОЛДА. Мы никогда не вернемся ни к границам 1967 года, ни, тем более, к границам 1949 года. Эти границы создали у врагов страны иллюзию угрозы существованию Израиля. Более того, эти границы подтолкнули врагов к осуществлению своих планов, провалившихся с треском. Но мы не собираемся возвращать эти территории до тех пор, пока арабы не пойдут на мирные переговоры с нами и не прекратят войну на истощение. Мы

стремимся у миру на тех условиях, которые не дадут арабской агрессии осуществиться вновь.

ВОПРОС. Применит ли Израиль ядерное оружие, если его существование окажется под угрозой?

ГОЛДА. Во-первых, у нас нет ядерного оружия. Во-вторых, если потребуется, мы его применим. В-третьих, мы не так плохо справляемся с обычным оружием.

Общий смех в зале

ВОПРОС. Возможен ли мир на Ближнем Востоке?

ГОЛДА. Возможен, но сегодня это трудно достижимая цель. И все-таки я верю, что у нас будет мир с арабскими соседями. Единственная альтернатива войне – это мир. Единственный путь к миру – переговоры. Но я уверена, что никто не захочет заключить мир со слабым Израилем. Если Израиль не будет силен, то мира не будет. Миллионы арабов мечтают о мире также сильно, как и евреи. Если арабы сложат оружие, не будет войны. Если евреи сложат оружие, не будет Израиля. Мир на Ближнем Востоке наступит лишь тогда, когда арабы будут любить своих детей сильнее, чем они ненавидят евреев.

ВОПРОС. Каким вы видите решение палестинской проблемы?

ГОЛДА. Это очень серьезная проблема, которой я занимаюсь уже долгие годы. Никогда не забуду, как в апреле 1948 года по просьбе Бен-Гуриона я поехала в Хайфу после штурма ее Хаганой и, стоя на набережной, умоляла арабов не бежать из города. Напрасно! Почему мы так хотели, чтобы они остались? На то были две причины. Прежде всего, мы хотели доказать всему миру, что евреи с арабами могут жить вместе. Во-вторых, мы прекрасно знали, что если полмиллиона арабов покинет Палестину, то это вызовет переворот во всей экономике страны.

ВОПРОС. В чем вы видите проблему арабских беженцев?

ГОЛДА. Арабские лидеры кричат о «миллионах палестинских беженцев», и это такая же неправда, как их утверждения, что мы заставили арабов покинуть свои дома. Так называемые «палестинские беженцы» появились в результате стремления арабов разрушить Израиль. Это был результат, а не причина. Пусть будет сказано ясно и понятно: мы не допустим возвращения арабских беженцев! Во всяком случае, арабам, оставшимся в Израиле, живется лучше, чем тем, кто уехал.

ВОПРОС. Что, госпожа Меир, вы думаете об избранности еврейского народа?

ГОЛДА. С мыслью, что евреи – избранный Богом народ, я никогда полностью не соглашалась. Мне казалось, да и сейчас кажется, правильнее считать, что не Бог избрал евреев, но евреи были первым народом, избравшим Бога, первым народом в истории, совершившим нечто воистину революционное. Этот выбор и сделал еврейский народ единственным в своем роде. Что касается Моисея, выведшего наш народ из египетского рабства, то меня

всегда удивлял тот факт, что он водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы привести к единственному месту на Ближнем Востоке, где нет нефти.

Слышен смех в зале.

ВОПРОС. Интересно, что значит для Вас, госпожа Голда, быть евреем?

ГОЛДА. Для меня быть евреем всегда означало гордиться тем, что принадлежишь к народу, в течение двух тысяч лет сохранявшему своеобразие, несмотря на все мучения и страдания, которые ему выпали. Те же, которые оказались неспособны выстоять и избрали отказ от еврейства, то есть ассимиляцию, сделали это в ущерб собственной личности.

.ВОПРОС. Как, госпожа Голда, Вам удавалось совмещать политическую деятельность с семейными обязанностями?

ГОЛДА. В 1930 году я выразила свое отношение к этому вопросу в анонимной статье для одного женского сборника, выходившего в Америке. Есть женщины, которые не могут оставаться дома по разным причинам. Их натура, все их существо требует большего: они не могут отделить себя от жизни общества. Не могут допустить, чтобы их горизонт ограничивался детьми. Эти женщины не знают покоя. Вечное внутреннее раздвоение, вечная спешка, вечное чувство невыполненного долга по отношению то ли к семье, то ли к работе. Такое тяжелое бремя я испытала, растя двух детей.

ВОПРОС. Скажите, кто лучше на ваш взгляд – женщины или мужчины?

ГОЛДА. Я не могу точно сказать. Но женщины, конечно, не хуже. Чтобы чувствовать себя людьми, женщинам не надо стараться быть лучше всех. Но, чтобы добиться успеха, женщина должна быть гораздо лучшим работником, чем мужчина. Не надо думать, что для этого ей следует поминутно творить чудеса.

ВОПРОС. Скажите, занимаясь постоянно политикой, Вы не переставали ощущать себя женщиной?

ГОЛДА. Это уже вмешательство в мою частную жизнь. Отвечу лишь, что я никогда не переставала чувствовать себя женщиной. То, что я женщина, мне несколько не мешало в общественной деятельности. Никогда у меня не возникало чувство неловкости или комплекс неполноценности. Более того, считаю, что женщина должна быть всегда привлекательна для мужчин. Лучше я расскажу вам один анекдот, очень популярный среди мужчин в 50-ые годы в Израиле: «Мужчина, вздыхая, говорит: две тысячи лет мы ждали еврейское государство, и надо же было, чтобы его дождался именно я!».

Общий смех в зале.

ГОЛДА. *(Смотрит на ручные часы).* Время, отведенное для пресс-конференции, подошло к концу. Благодарю вас, уважаемые журналисты, за вопросы. Постараюсь оправдать доверие моей партии и всего народа Израиля на посту премьер-министра страны.

Голда отходит от микрофона и возвращается на свое место в кресле возле журнального столика.

ЗАЛМАН. Поздравляю тебя, дорогая Голда! Ты блестяще провела свою первую пресс-конференцию в статусе премьер-министра Израиля. И анекдот о двухтысячелетнем ожидании создания Израиля прозвучал очень кстати.

ГОЛДА. Я всегда перехожу на анекдоты, когда не желаю отвечать на тот или иной вопрос. Через несколько месяцев после моего вступления в должность я приняла решение поехать в Вашингтон, чтобы познакомиться с президентом Ричардом Никсоном и выяснить, как относится к нам американский народ и что собирается сделать, чтобы нам помочь.

ЗАЛМАН. Расскажи об этом важном визите.

ГОЛДА. Меня исключительно тепло приняли в Белом доме и вместе с младшей сестрой Кларой и сыном Менахемом с семьей пригласили на обед, который был дан в первый вечер моего приезда в Вашингтон. Во время моей встречи с Никсоном и его советниками я показала ему закупочный список оружия, необходимого для Израиля, куда входили Фантомы, Скайхоки и другое вооружение, необходимое для Израиля. Затем мы вышли с президентом к журналистам и выступили каждый со своим заявлением для прессы.

Голда поднимается с места и выходит на авансцену к микрофону. Одновременно с ней появляется и подходит к другому микрофону президент Никсон, первый произносящий свое заявление.

НИКСОН. (В микрофон). Мы вместе с госсекретарем Роджерсом провели очень полезные переговоры с премьер-министром Израиля Голдой Меир. Народ Израиля заслужил мира, не того хрупкого мира, который записан на никого не интересующем документе, но настоящего прочного мира. Мы надеемся, что результатом нашей встречи будет большой шаг вперед к этому миру, который значит так много для людей Израиля, для людей Ближнего Востока, для людей всей земли. Спасибо.

ГОЛДА. (В микрофон). Господин президент! Благодарю вас не только за гостеприимство, не только за замечательный сегодняшний день и за каждую минуту сегодняшнего дня, но больше всего за то, что вы дали мне возможность сказать моему народу, что у нас есть друг, большой друг в Белом доме. Это нам поможет справиться со многими трудностями в случае военного конфликта с арабскими странами.

Звучат аплодисменты. Президент Никсон покидает авансцену. Голда возвращается в кресло возле журнального столика в салоне своего дома.

ЗАЛМАН. Ты, как всегда, дорогая Голда, сказала очень точные слова в адрес президента Никсона, как большого друга Израиля.

ГОЛДА. Кстати, на прощальном обеде в Белом доме присутствовал Генри Киссинджер – высокопоставленный американский еврей в команде президента Никсона, который в скором времени должен был сменить Роджерса на посту Государственного секретаря. Мы с ним познакомились,

приятно поговорили, и мне показалось, что он с симпатией относится к нашей стране. Это знакомство сослужило и еще сослужит нам большую службу.

ЗАЛМАН. Не сомневаюсь!

ГОЛДА. В период моего премьерства, дорогой Залман, на мою долю, как ты знаешь, выпало несколько трагических событий, связанных с репатриацией евреев из Советского Союза и террором в мире против евреев. Одно из них было «самолетное дело». Двенадцать человек, из которых десять были евреи, собирались в июне 1970 года на похищенном самолете улететь в одну из скандинавских стран и тем самым привлечь внимание Запада к запрету репатриации евреев из Советского Союза. На запрос участников угона об отношении правительства Израиля к этому намерению мы ответили отрицательно. Однако КГБ не дремал, и план под названием «Операция «Свадьба» провалился. Все они были арестованы и в декабре предстали перед советским судом. Двое из обвиняемых - Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов были приговорены к смертной казни.

ЗАЛМАН. Дело это наделало много шума в мире. Нужно было срочно спасти этих людей, которых осудили на смерть только за намерения, а не за действия.

ГОЛДА. Тогда я вызвала к себе нашего консула в Англии Ицхака Рагера, попросила его получить срочную аудиенцию у генералиссимуса Франко и обратиться к нему с такими словами (*в микрофон на столике*): «Мы знаем, что ваши предки были евреями маранами. Один раз вы уже оказали неоценимую услугу нашим соплеменникам, не выдав евреев Испании Гитлеру. Окажите такую услугу еще раз: помилуйте своих людей, чьи руки обогреты кровью, ради спасения тех, чьи руки были чисты». (*Отключает микрофон*). Когда Франко помиловал двух террористов, советскому руководству не оставалось ничего другого, как помиловать угонщиков. Смертная казнь Дымшицу и Кузнецову была заменена на 15 лет лишения свободы.

ЗАЛМАН. Во всем мире проходили протесты против нарушения прав человека в Советском Союзе, и Генеральный секретарь Брежнев был вынужден разрешить хотя бы ограниченную репатриацию советских евреев в Израиль.

ГОЛДА. Произошло то, о чем я мечтала в 1948 году, когда была послом Израиля в Москве.

ЗАЛМАН. Ты победила в споре с Эренбургом!

ГОЛДА. В августе того же 1970 года, наконец, закончилась война с Египтом на истощение. Спустя месяц умер злейший враг сионизма Насер, и президентом Египта стал Анвар Садат. Он производил впечатление более благоразумного человека и будто был готов заключить мирный договор с Израилем через спецпредставителя ООН на Ближнем Востоке д-ра Ярринга.

И все-таки мое правительство отвергло инициативу д-ра Ярринга на том основании, что она предрешала исход переговоров по территориальному вопросу.

ЗАЛМАН. Хотя прекращение огня после Войны на истощение вошло в силу, арабский терроризм в мире становился все ожесточеннее и бесчеловечнее.

ГОЛДА. Особенно меня потрясло убийство израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года. Еще больше меня возмутило то, что через шесть недель после убийства в Мюнхене одиннадцати израильских спортсменов убийцы были освобождены с огромной рекламой и отправлены в Ливию! И во всем было виновато правительство ФРГ, которое отказалось от нашей помощи!

ЗАЛМАН. Как ты знаешь, убийство спортсменов было делом рук палестинцев из террористической организации «Черный сентябрь». Многие из них вышли из другой террористической «Организации освобождения Палестины», созданной террористом номер один Ясиром Арафатом под лозунгом «борьбы с сионистскими оккупантами» и окопавшейся после изгнания из Иордании в Бейруте. Лидеры некоторых стран призывали нас прийти к соглашению

с убийцами и позволить фанатикам-самоубийцам шантажировать нас и поставить на колени.

ГОЛДА. *(Поднимается с места и начинает ходить по салону, гневно)*. Вот этого они никогда не дождутся! Я взяла на себя всю тяжесть ответственности. Давно уже доказано, что уступки террористам порождают новый террор. Нельзя договариваться о мире с тем, кто пришел тебя убивать! Но никто никогда не узнает, чего стоит правительству Израиля отвечать «нет!» на их требования. Мы научились противостоять террористам и оставаться непоколебимыми перед лицом страдания и скорби. Но в наших руках есть оружие мести! Как написано в нашей Торе, «Око за око и зуб за зуб». Я дала указание руководителю Моссада, чтобы его «мальчики» разыскали и уничтожили всех исполнителей и организаторов того страшного мюнхенского теракта!

ЗАЛМАН. Эта операция получила название «Божий гнев». По имеющимся у меня сведениям, многие участники теракта уже заплатились своими жизнями. Кстати, агенты Моссада отличились также в Риме в январе 1973 года, когда ими было сорвано покушение на израильский самолет, в котором находилась ты, дорогая Голда.

ГОЛДА. Я тогда прилетела в Рим для встречи с папой Римским Павлом У1. Террористы из «Черного сентября» планировали сбить заходящий на посадку самолет зенитными ракетами «Стрела». В ходе операции были арестованы пять террористов. К большому сожалению, Моссад тогда потерял трех своих агентов убитыми и одного раненым. Я обязана им своей жизнью и низко кланяюсь им!

ЗАЛМАН. Благодаря погибшим героям могла состояться твоя встреча с папой Римским.

ГОЛДА. Это так, дорогой Залман. Я придавала встречам на высоком уровне большое значение. На меня огромное впечатление произвел не столько Ватикан, сколько сам папа простотой и приятностью своих манер и пронзительным взглядом своих темных глаз.

Затемнение. На авансцене появляется папа Павел У1 и садится в одно из двух глубоких кресел. К нему подходит Голда и садится напротив в другое кресло.

ПАВЕЛ У1. Я рад приветствовать Вас, госпожа Голда, в качества премьер-министра Израиля здесь, в Ватикане. Сразу начну с вопроса. Мне трудно понять, как это евреи, которые должны быть больше других народов расположены к милосердию, поскольку они так жестоко страдали, могут действовать с такой жестокостью в собственной стране?

ГОЛДА. Ваше Святейшество, знаете ли Вы, какое мое самое первое воспоминание пятилетней девочки? Ожидание еврейского погрома в Киеве в царской России. Мне этот страх запомнился на всю жизнь! Разрешите заверить Вас, что мой народ знает о жестокости всё, что возможно, и о настоящем милосердии мы тоже всё узнали, когда нас вели в нацистские газовые камеры. Ватикан на это тогда не реагировал и сохранял нейтралитет во время Второй мировой войны.

ПАВЕЛ У1. Да, такова была позиция Ватикана в военные годы.

ГОЛДА. Теперь, когда у нас есть свое государство, мы больше никогда не будем зависеть от «милосердия» других.

ПАВЕЛ У1. Это в самом деле историческая минута. Я высоко ценю заботу Израиля о христианских святых местах.

ГОЛДА. А я и мой народ высоко оценят нашу встречу с Вами. В вопросах стремления к миру и доброй воле между Ватиканом и Израилем существует полное единство взглядов. Благодарю Ваше Святейшество за теплый прием.

Затемнение. Павел У1 покидает сцену. Голда возвращается в салон и садится возле журнального столика рядом с Залманом.

ЗАЛМАН. Я вижу, ты осталась довольна встречей с папой Римским.

ГОЛДА. Аудиенция у папы Римского была чрезвычайно интересна и полна значения. Я надеюсь, что в результате ее Ватикан чуть ближе подошел к пониманию Израиля, сионизма и того, как относятся к Ватикану такие евреи, как я.

ЗАЛМАН. Вот если бы папа Павел У1 поспособствовал уменьшению ненависти христиан к евреям и установлению дипломатических отношений между Ватиканом и Израилем, это было бы намного лучше для еврейского народа. ГОЛДА. Безусловно, было бы лучше для всех нас. Но, как я поняла, не все зависит от папы Римского. Когда-нибудь, рано или поздно, Ватикан созреет до этого! Если встреча с папой Павлом У1 оставила во мне какую-то

надежду, то после встречи с австрийским канцлером Бруно Крайским в сентябре 1973 года у меня остался тяжелый осадок.

ЗАЛМАН. Я помню, что на этой встрече ты вновь подняла свой голос против терроризма!

ГОЛДА. Перед отъездом из Израиля на консультативную Ассамблею Европейского Союза в Страсбурге я получила чрезвычайно неприятное сообщение. Арабским террористам удалось «убедить» австрийское правительство закрыть транзитный лагерь Еврейского Агентства в замке Шенау, недалеко от Вены. Это было серьезным ударом по репатриации советских евреев в Израиль, ибо Шенау был необходимой остановкой на полпути из Советского Союза в еврейское государство. Побывав в Шенау, я поняла, что для миллионов евреев в Советском Союзе этот замок был символом свободы и надежды.

ЗАЛМАН. Что же произошло до закрытия замка?

ГОЛДА. Два бандита ворвались в поезд, захватили семерых советских евреев, в том числе старика, больную женщину и ребенка и нагло известили австрийское правительство, что если оно немедленно не закроет Шенау, то не только будут убиты заложники, но и последуют жестокие репрессии против Австрии. К нашему изумлению и ужасу, канцлер Бруно Крайский тут же уступил террористам!

ЗАЛМАН. Не хватило твердости и непреклонности!

ГОЛДА. К сожалению, так. Прибыв в Страсбург, я выступила на Ассамблее Европейского Союза с гневной речью.

ЗАЛМАН. Уверен, что после нее лидеры стран вряд ли будут пасовать перед террористами!

ГОЛДА. Если бы это было так! Прибыв из Страсбурга в Вену, я немедленно направилась в кабинет канцлера.

Залман уходит со сцены. Появляется канцлер Австрии Бруно Крайский и подсаживается к журнальному столику напротив Голды.

ГОЛДА. Шалом, господин канцлер! Я только что вернулась с Ассамблеи Европейского Союза, где прямо заявила, что нельзя идти на сделку с террористами! Почему вы пошли на нее?

КРАЙСКИЙ. Я не хочу отвечать, госпожа Меир, за кровопролитие на австрийском вокзале. Ваш конфликт не имеет к нам никакого отношения.

ГОЛДА. Но вы же еврей и отвечаете за молодое еврейское государство!

КРАЙСКИЙ. Да, я еврей. Но я еще австрийский канцлер и должен прежде всего думать о своей стране. Почему это только Австрия должна отвечать за русских евреев? Почему не Голландия? Она может также стать транзитным пунктом для репатриантов.

ГОЛДА. Голландия готова разделить с вашей страной это бремя. Но это зависит не от голландцев, это зависит от русских. А русские согласились выпускать евреев только через Австрию.

КРАЙСКИЙ. Похоже, госпожа Меир, мы с вами принадлежим к двум разным мирам.

ГОЛДА. Согласна, господин Крайский. И все же я очень прошу вас не закрывать Шенау.

КРАЙСКИЙ. Повторяю, я не хочу отвечать за кровопролитие на австрийском вокзале.

ГОЛДА. Но если вы закроете Шенау, вы дадите русским прекрасный повод не отпускать евреев. Они скажут: раз нет транзитных возможностей, мы не будем выпускать репатриантов.

КРАЙСКИЙ. С этим я ничего поделать не могу. Пусть ваши люди принимают евреев прямо из поездов.

ГОЛДА. Это невозможно! Ведь мы никогда не знаем, сколько в данном поезде людей. К тому же я думаю, что безопаснее держать десятки и сотни людей на аэродроме в ожидании самолета Эль-Аль, который за ними прилетит. *(Резко поднимается с места, в гневе)*. Благодарю за прием!

Встреча двух лидеров внезапно прекращается. Рассерженная Голда покидает кабинет Крайского. Затемнение на сцене.

. Вскоре высвечивается салон с сидящими за журнальным столиком Голдой и Залманом.

ГОЛДА. Я решила внезапно прекратить разговор с господином Крайским и в разгневанном состоянии покинула его кабинет. Я уже видела, что все бесполезно, что все мои разговоры ничего не могут изменить. Я поблагодарила его за прием и быстро вышла из кабинета.

ЗАЛМАН. Мне, как никогда, ясно, дорогая Голда, что Крайский прежде всего не желал неприятностей с арабами. Европе нужна арабская нефть.

ГОЛДА. Да, ты прав, дорогой Залман, - Европа полностью зависит от арабской нефти. Она им дороже, чем судьба Израиля и еврейского народа. Но мы выстоим и защитим свое государство, чего бы нам это ни стоило!

ЗАЛМАН. Всего неделя, дорогая Голда, отделяла твою встречу с канцлером Крайским от начала войны Судного дня!

ГОЛДА. Поразительно, но это так! Из всех событий, о которых я хочу рассказать в своих воспоминаниях, труднее всего мне будет писать о войне Судного дня. Но она имела место в действительности и потому должна стать частью моей будущей книги. Не как военный отчет, - этим пусть занимаются другие, а как едва не произошедшая катастрофа, как кошмар, который я пережила и который навсегда останется со мной!

ЗАЛМАН. Хотя к тому времени я уже не занимал пост президента страны, но знаю, в каком ужасном состоянии ты находилась в первые дни войны.

ГОЛДА. Есть два обстоятельства, о которых я хочу напомнить сразу. Во-первых, что бы там ни говорили, войну Судного дня мы выиграли! Я убеждена, что в глубине души политические и военные лидеры Сирии и Египта сознают, что они потерпели поражение, несмотря на первоначальные успехи.

ЗАЛМАН. *(Улыбаясь)*. Арабы предпочитают трубить о нереальных победах и не любят говорить о реальных поражениях.

ГОЛДА. Во-вторых, пусть знает весь мир, и враги Израиля в частности, что обстоятельства, стоившие жизни двух с половиной тысяч израильтян, погибших в войне Судного дня, никогда больше не повторятся!

ЗАЛМАН. Это так важно! Никогда!

ГОЛДА. Вернувшись а страну из-за границы, я в среду 3 октября пригласила к себе на кухню высших военных чинов армии и разведки.

Действие переносится на кухню Голды Меир в Иерусалиме.

ГОЛДА. *(Стоя у стола)*. Я пригласила вас, господа генералы, на военное совещание по очень важному делу. Среди приглашенных здесь находятся министр обороны Моше Даян, начальник Генерального штаба Давид Элазар, или просто Дадо, начальник военно-воздушных сил Бени Пелед, начальник военной контрразведки, заменяющий заболевшего начальника военной разведки АМАН Эли Заира. Я собрала вас в очень тревожное для страны время. Еще в марте журнал «Ньюсвик» взял интервью у президента Египта Анвара Садата, который, в частности, заявил:

ГОЛОС САДАТА: «Все на Ближнем Востоке впали в спячку. Но скоро они проснутся!».

ГОЛДА. А в сентябре стали поступать сведения о перемещении и скоплении египетских войск на Синае и сирийских войск на Голанских высотах. 13 сентября произошел воздушный бой с сирийцами, в результате которого было сбито 13 сирийских МИГов советского производства. После этого боя президент Сирии Хафез Асад выступил по радио с угрожающим заявлением: ГОЛОС АСАДА: «Нашей задачей станет не только ликвидация всех последствий сионистской агрессии, но и полное и окончательное решение палестинского вопроса».

ГОЛДА. Я хотела бы услышать ваше мнение, господа: что бы всё это значило? Начнем с начальника контрразведки, заменяющего заболевшего Эли Заира.

НАЧАЛЬНИК КОНТРРАЗВЕДКИ. По поручению Эли Заира я имею право вам сообщить, что наша военная разведка придерживается выработанной концепции, сущность которой состоит в следующем. Во-первых, Сирия не начнет войну против Израиля в одиночку, но только совместно с Египтом. Во-вторых, Египет не начнет войны до тех пор, пока у него не будет ответа на израильское превосходство в воздухе. Поэтому у нас имеется полная уверенность в том, что нападение на Израиль со стороны Египта и Сирии не

предвидится, поскольку египетский президент Анвар Садат понимает, что невозможно одержать решительную победу над Израилем.

ГОЛДА. Итак, наша разведка дает нам успокоительную информацию: никакой серьезной реакции со стороны Египта и Сирии быть не может. А что думает по этому поводу министр обороны?

МОШЕ ДАЯН. Я согласен с общей оценкой военной ситуации, описанной начальником контрразведки. Нам не угрожает объединенное сирийско-египетское нападение, и маловероятно, что Сирия решится выступить одна. Передвижения египетских войск на юге вызваны, скорее всего, маневрами, а наращивание и передвижение войск на севере объясняется страхом сирийцев, что мы на них нападём.

ГОЛДА. А что скажет на это начальник Генерального штаба?

ДАДО. Я буду краток. Да, на юге и севере наблюдается большое скопление вражеских войск. Но наша армия настолько сильна, что особой опасности я в этом не вижу. Полагаю, что угроза нападения не существует. Но если понадобится, мы готовы переломать все кости египтянам и сирийцам.

ГОЛДА. Послушаем мнение Начальника Военно-воздушных сил.

БЕНИ ПЕЛЕД. Я также буду краток. Воздушный бой на Голанских высотах вновь показал, что мы сохраняем полное превосходство в Военно-воздушных силах. Зная это, Египет и Сирия вряд ли начнут войну против Израиля.

ГОЛДА. Из сказанного вами, господа генералы, можно сделать вывод, что нам не следует ожидать нападения со стороны Египта и Сирии. Тем не менее, считаю необходимым созвать в ближайшие дни срочное заседание кабинета министров, чтобы вновь обсудить обстановку, складывающуюся на Южной и Северной границах. Вы свободны, господа.

На сцене временное затемнение. Действие переносится в тель-авивский кабинет Голды Меир, где проводится срочное заседание кабинета министров. Стоя у стола президиума, Голда обращается к министрам с речью.

ГОЛДА. Добрый день, господа! Я решила созвать срочное заседание кабинета министров сегодня днем в пятницу 5 октября в это чрезвычайно тревожное для нас время. На заседании присутствуют начальник Генерального штаба Дадо, министр обороны Моше Даян, бывший начальник Генерального штаба Хаим Бар-Лев, генерал Израэль Галили и начальник военной разведки АМАН Эли Заира. Главный вопрос, стоящий перед нами: что означает полученное сегодня утром сообщение, что семьи русских советников в Сирии быстро собираются и оставляют страну. Как это мне напоминает то, что происходило перед Шестидневной войной! К чему такая спешка? Это мне очень не нравится. Напомню, что год назад, в июле 1972 года, семьи русских советников также быстро покинули Египет. Но война тогда не случилась. Интуиция хитрая штука. Иногда ее надо слушаться тут же

на месте, а иногда это только симптом тревоги. Слово начальнику военной разведки. Вопрос: насколько сообщение о быстром отъезде семей русских советников из Сирии важно для судеб страны?

ЭЛИ ЗАИРА. *(Поднимается с места)*. Да, такое сообщение имеется, но оно не вызывает у меня тревоги. Одно дело, Шестидневная война, другое дело, нынешняя обстановка. Хотя конфигурация египетских сил у Суэцкого канала содержит признаки, указывающие на возможность скорой наступательной инициативы, наша оценка общего соотношения сил между ЦАХАЛОМ и египетской армией остается прежней, и, соответственно, мы считаем низкой вероятностью того, что Египет намерен возобновить боевые действия в Синае. Можно не волноваться. Мы ждем звонка. Войны не будет.

ГОЛДА. Ясно. Таково мнение военной разведки. А что думает по поводу этого сообщения начальник Генштаба Дадо?

ДАДО. *(Поднимается с места)*. По-моему, быстрый отъезд русских семей из Сирии несколько не меняет нашей оценки положения. В случае тревоги армия будет вовремя предупреждена. Кроме того, на фронты послано достаточно подкреплений, чтобы удержать линию прекращения огня, если это понадобится. Все необходимое сделано, армия, особенно авиация и танковые части, находятся в готовности номер один. Линия укреплений Бар-Лева вдоль восточного берега Суэцкого канала готова сдержать наступление противника. Мое мнение совпадает с мнением начальника военной разведки: не волнуйтесь, войны не будет. Никогда наше положение не было таким хорошим. Мы ждем звонка. Египет и Сирия не решатся!

ГОЛДА. Несмотря на высказанную начальником военной разведки и начальником Генерального штаба уверенность, что угроза войны не существует, я все-таки выскажу свое мнение. Послушайте, у меня ужасное чувство, что все это уже бывало прежде. Мне это напоминает 1967 год, когда нас обвиняли, что мы наращиваем войска против Египта и Сирии. По-моему, это что-то значит. Слова просит Моше Даян. Мы слушаем тебя

МОШЕ ДАЯН. *(Поднимается с места)*. Сейчас наш премьер-министр упомянула Шестидневную войну, во время которой я занимал, как и сейчас, пост министра обороны. Но тогда политическая обстановка была совсем иной, чем ныне. Тогда Египет и другие арабские страны нам открыто угрожали уничтожением страны, и война была неизбежна. Мы были готовы к ней и ее выиграли. Нынешняя ситуация такова, что нам никто – ни Египет, ни Сирия – открыто не угрожает. Следовательно, война не представляется мне неизбежной. Мы ждем звонка. Лучше Шарм-аш-Шейх без мира, чем мир без Шарм-аш-Шейха. *(Садится на место)*.

ГОЛДА. Генерал Исраэль Галили поднял руку. Пожалуйста, вам слово господин генерал.

ГАЛИЛИ. *(Поднимается с места)*. Я присоединяюсь к высказанному до меня мнению: война с Египтом и Сирией не ожидается. Мы ждем звонка. Я

предлагаю кабинету министров принять резолюцию, что в случае срочной необходимости важное решение могут принять вдвоем премьер-министр и министр обороны. *(Садится на место)*.

ГОЛДА. Хотя для принятия правительственного решения нужен кворум, мы должны принять предложенную генералом Галили резолюцию, учитывая напряженность нынешней ситуации. Прошу членов правительства проголосовать за эту резолюцию. *(Считает голоса)*. Принимается единогласно.

МОШЕ ДАЯН. *(С места)*. Очень правильное решение!

ГОЛДА. Я хочу добавить, что нам следует как можно скорее войти в контакт с американцами, дабы они сказали русским в недвусмысленных выражениях, что Соединенные Штаты не собираются смолчать в случае обострения общей обстановки. У меня также есть для вас секретная информация. Глава Моссада Цви Замир отправился сегодня утром в Лондон для встречи с нашим египетским агентом. Мы ждем от него с минуты на минуту вестей, ожидается ли нападение Египта на Израиль и, если да, то когда. Заседание правительства объявляю закрытым. Прошу остаться Хаима Бар-Лева.

Все расходятся, кроме Бар-Лева.

ГОЛДА. Уважаемый Хаим, я очень ценю ваше мнение, как бывшего начальника Генерального штаба и строителя защитной линии вдоль Суэцкого канала, названной вашим именем. Скажите, возможна ли война с Египтом и Сирией? Я очень встревожена.

БАР-ЛЕВ. Всё говорит о том, что войны не будет. Мы ждем звонка. Для особого беспокойства, госпожа Голда, нет основания. Я сплю спокойно, и ты тоже можешь спать спокойно.

ГОЛДА. Спасибо, Хаим. Но не знаю, засну ли я в эту ночь.

Затемнение сцены. Действие вновь переносится в салон, где за журнальным столиком в креслах сидят Голда и Залман.

ЗАЛМАН. Как видишь, дорогая Голда, Хаим Бар-Лев ошибался.

ГОЛДА. Не только он. В то время ошибались мы все, и я в том числе.

ЗАЛМАН. Я полагаю, что причина здесь одна. Наши генералы и военная разведка находились в плену самоуверенности и беспечности, которые породили эйфорию. После победной Шестидневной войны им казалось, что наша армия непобедима, и что арабские страны после полного разгрома больше никогда не осмелятся напасть на Израиль.

ГОЛДА. Теперь-то я знаю, что должна была сделать. Я должна была преодолеть свои колебания. В тот день 5 октября я должна была послушаться голоса собственного сердца и объявить всеобщую мобилизацию. Вот о чем я никогда не смогу забыть, и никакие утешения, никакие рассуждения моих коллег тут не помогут. При такой уверенности нашей военной разведки и полном согласии с нею наших выдающихся генералов было бы неразумно с моей стороны настаивать на всеобщей

мобилизации. Но я знаю, что должна была это сделать, и с этим страшным знанием я должна доживать жизнь. Никогда уже я не стану той, какой была перед войной Судного дня. *(Начинает плакать, прикрыв лицо руками).*

ЗАЛМАН. *(Подходит к Голде и гладит ее).* Прошу тебя, Голда, не надо плакать, дорогая. Успокойся, пожалуйста. Ты здесь не виновата. Как ты могла объявить всеобщую мобилизацию, не имея понимания и поддержки среди военных?

ГОЛДА. *(Вытирает глаза платком, решительно).* Нет, дорогой, должна была объявить! И никогда не прощу себе этого! Ночь я провела дома в Тель-Авиве. Говорила с Менахемом и Айей о наступлении на следующий день Йом Кипура, который в этот раз совпал с шабатом. В 4 утра 6 октября меня разбудил телефонный звонок. Это был мой военный секретарь Лиор. От главы Моссада им была получена информация, что Сирия и Египет предпримут совместное нападение на Израиль 6 октября во второй половине дня. Сомнений больше не оставалось: сведения были получены из достоверного источника. Я сказала Лиору, чтобы он вызвал Даяна, Дадо, Алону и Галили в мой кабинет к семи часам утра. Заседание началось с опозданием на час в восемь.

*Затемнение сцены. Вновь освещается кабинет Голды,
в котором находятся генералы Даян, Дадо, Алон и Галили.*

ГОЛДА. *(Сидя за столом).* Господа генералы, шалом! Я пригласила вас в один из самых тяжелых моментов, который переживает сейчас наша страна. Вас уже известил мой военный секретарь, что по данным, полученным этой ночью нашей разведкой Моссад, сегодня во второй половине дня, около 6 часов, Египет и Сирия собираются осуществить нападение на Израиль. То, чего мы меньше всего ожидали, свершилось. Сегодня, когда еврейский народ отмечает самый святой день года Йом-Кипур, начинается война Судного дня. Вновь со всей остротой встает вопрос о мобилизации. Прошу каждого из вас высказать свое мнение по этому важнейшему вопросу. Первое слово начальнику Генерального штаба Дадо.

ДАДО. *(Встает с места).* Ситуация в стране очень напряженная. Нужно действовать быстро и решительно! Я предлагаю мобилизовать все военно-воздушные силы и четыре дивизии. Если провести призыв немедленно, то на следующий день, то есть в воскресенье, они смогут быть введены в действие.

ГОЛДА. Спасибо. Слово предоставляется министру обороны генералу Даяну.

ДАЯН. *(Встает с места).* Я считаю, что достаточно призвать наши военно-воздушные силы и две дивизии, - одну на Северный фронт, другую на Южный.

ГОЛДА. Почему?

ДАЯН. Потому, что, если мы объявим всеобщую мобилизацию прежде, чем будет сделан хоть один выстрел, мир получит повод назвать нас «агрессорами». Кроме того, мобилизация даже в ограниченных масштабах

сопряжена с неоправданными затратами. Думаю, что воздушные силы и две дивизии могут справиться с положением. А если к вечеру оно ухудшится, то мы сможем призвать остальные дивизии за несколько часов. Таково мое мнение. Если вы с ним не согласны, я в отставку все равно не подам.

ГОЛДА. Теперь я должна решить, кто из вас прав? У меня только один критерий: если это действительно война, то у нас должны быть все преимущества. Следовательно, пусть будет так, как сказал генерал Дадо. Ваше мнение, генерал Галили?

ГАЛИЛИ. *(С места)*. Я поддерживаю предложение генерала Дадо.

ГОЛДА. Ваше мнение, генерал Алон?

АЛОН. *(С места)*. Я также поддерживаю предложение начальника Генштаба. У нас должны быть все преимущества.

ГОЛДА. Так, значит, предложение генерала Дадо принимается, и будет объявлен немедленный всеобщий призыв.

ДАДО. *(Встает с места)*. Но у меня есть еще одно предложение.

ГОЛДА. Какое, генерал Дадо?

ДАДО. Я считаю, что надо нанести упреждающий удар, поскольку ясно, что война все равно неизбежна. Ты должна знать, уважаемая Голда, что наша авиация может нанести превентивный удар уже в полдень. Но мне нужно, чтобы ты дала «добро». Если мы сумеем нанести такой удар, у нас будет большое преимущество!

ГОЛДА. Дорогой Дадо, я знаю все, что говорится о преимуществах превентивного удара, но я против. Никто из нас не знает, что готовит нам будущее. Возможно, нам понадобится американская помощь, а если Израиль нанесет удар первым, то никто ничего нам не даст. Я дала слово президенту Ричарду Никсону и Государственному секретарю Генри Киссинджеру, сменившему Роджерса, что упреждающего удара не будет. Ваше мнение, генерал Даян?

ДАЯН. Напомню, что в Шестидневную войну наш упреждающий удар предрешил победный итог этой войны. Хотя американцы возражают против него, я считаю, что он абсолютно нужен!

ГОЛДА. Ваше мнение, генерал Галили?

ГАЛИЛИ. *(С места)*. Я решительно против превентивного удара. Израиль не может позволить себе пойти на риск и подвергнуться дипломатическому карантину.

ГОЛДА. Что вы думаете, генерал Алон?

АЛОН. *(С места)*. Я также не поддерживаю упреждающий удар. Нам следует выдержать первый вражеский удар и положиться на глубокую оборону.

ГОЛДА. Итак, мнения присутствующих разделились поровну. Теперь я выскажу свое мнение, которое должно перевесить одну из чаш весов. По поводу нанесения превентивного удара я бы очень хотела сказать «да», ибо понимаю, как это важно для нас. Но с тяжелым сердцем вынуждена сказать

«нет». Следующее экстренное заседание правительства состоится сегодня же в два часа. Явка обязательна. Вы свободны, господа.

Затемнение сцены. Действие вновь переносится в салон Голды, беседующей с Залманом Шазаром.

ЗАЛМАН. Состоялось ли 6 октября дневное экстренное заседание правительства, как ты намечала, дорогая Голда?

ГОЛДА. Да, мы собрались в два часа дня, правда, в неполном составе, в моем кабинете, и как раз в это время в Тель-Авиве завывали сирены и слышались взрывы! Это означало, что война уже началась и застала всех нас врасплох! Вечернее время ее начала оказалось неверным! Мне пришлось прекратить заседание правительства и ограничиться самыми срочными указаниями.

ЗАЛМАН. В первый же день войны ты обратилась к нашему народу с заявлением израильского правительства.

ГОЛДА. Ничего труднее этого заявления мне не приходилось делать в жизни, потому что я знала, что ради всех и каждого я не могла сказать всего. Обращаясь к народу, который еще не знал, какие страшные потери он несет на севере и на юге, и в какой опасности находится Израиль, я вечером выступила по радио с речью.

Голда произносит речь, сидя в кресле, в микрофон на столике.

ГОЛДА. «Дорогие сограждане! Сегодня, 6 октября, после полудня началась война Судного дня. Она не была для нас сюрпризом. Мы не сомневаемся, что победим. Но мы убеждены также и в том, что эта новая агрессия Египта и Сирии безумие. Мы сделали все, что могли, чтобы войну предупредить. Мы обращались к странам, имеющим политическое влияние, с просьбой употребить его, чтобы сорвать гнусные планы египетских и сирийских лидеров. Мы проинформировали дружественные страны о полученных нами сведениях о планах нападения на Израиль. Мы призвали их сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить войну. И все-таки Египет и Сирия начали наступление. Призываю всех вас настроиться только на победу и сделать все

возможное для ее достижения!»

ЗАЛМАН. То, что дружественные страны не откликнулись на наша просьбу о помощи, следовало ожидать. Израиль, по большому счету, может рассчитывать только на собственные силы.

ГОЛДА. Это так. И все-таки в помощи мы очень нуждались! На следующий день, в воскресенье 7 октября в мой кабинет вошел Моше Даян. Он закрыл дверь и остановился передо мной. Его невозможно было узнать. В глазах я увидела несвойственный ему испуг и растерянность. Между нами состоялся короткий диалог.

Затемнение. Залман покидает сцену. Кабинет Голды.

Появляется Моше Даян, который подходит к сидящей за столом Голде.

ДАЯН. Шалом, госпожа Голда!

ГОЛДА. Шалом, Моше!

ДАЯН. Я пришел к тебе, так как не знаю, что делать. Положение на обоих фронтах критическое, если не безнадежное. Арабы сражаются гораздо лучше,

чем прежде. На восточном берегу канала прорвана линия обороны Бар-Лева.

ГОЛДА. Видимо, арабы почувствовали запах крови и не могут остановиться.

ДАЯН. Более того, Израиль находится на грани уничтожения, поэтому следует отступить. Параллельно мы должны во что бы то ни стало добиться соглашения о прекращении огня. Мы не сможем эвакуировать раненых. Пусть они сами решают, что делать – прорываться или сдаваться в плен.

ГОЛДА. На это мы никогда не пойдем! Так будет попрана главная заповедь нашей армии – «не бросать раненых на поле боя».

ДАЯН. Я готовился ко второму раунду Шестидневной войны, а получился второй раунд войны за Независимость! Может, мы должны подготовиться к применению ядерного оружия?

ГОЛДА. *(Решительно)*. Об этом говорить еще рано. Подождем дальнейшего развития событий. Забудь об атомной бомбе!

ДАЯН. Хочешь, Голда, я уйду в отставку. Если ты считаешь, что я должен это сделать, я готов. Я не могу действовать, если ты мне не доверяешь.

ГОЛДА. *(Холодно)*. Твоя отставка будет не вовремя. Я всегда доверяла и доверяю тебе, Моше. Ты должен оставаться министром обороны. Мы решили послать на север Бар-Лева, чтобы он определил и оценил там обстановку. Мы начали переговоры с Соединенными Штатами о военной помощи.

ДАЯН. Это так важно! Чем скорее, тем лучше! Значит, ты доверяешь мне, Голда? Так что же мне сейчас делать?

ГОЛДА. Отправляться на южный фронт изучить военную обстановку и принимать быстрые решения в согласии с начальником Генерального штаба.

ДАЯН. Задача ясна. Я могу идти?

ГОЛДА. Да, можешь идти. Об отставке даже не думай. Пессимизм – это роскошь, которую не могут себе позволить евреи! Я бы хотела, чтобы ты в нашей истории остался героем если не этой войны, то Синайской кампании и Шестидневной войны. Постоянно ставь меня в известность о положении дел на Южном фронте.

ДАЯН. Как прикажешь, госпожа премьер-министр. Шалом!

Моше Даян быстро уходит. Действие вновь переносится в тель-авивский дом Голды.

ЗАЛМАН. Дорогая Голда, ты поступила очень умно, что не отправила Даяна в отставку с поста министра обороны. Иначе это могло бы плохо отразиться на общем настроении в армии и в стране. Даян успешно командует в

наступательных операциях и не очень успешно в оборонительных. Ничего, война Судного дня научит!

ГОЛДА. (*Откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза*). После ухода Даяна я осталась в кабинете одна, и мне стало страшно, - так страшно, как никогда. Я прилегла на диван, чтобы как-то одуматься и прийти в себя. В ушах звучала песня «Аидише мама», а в голову лезли самые ужасные мысли. Мне вспомнилась беседа с президентом Кеннеди, когда я сказала ему: «На нашей стене огненными буквами написано «Остерегайтесь снова потерять независимость, ибо на этот раз вы можете потерять ее навсегда». Неужели на мне самой, кого ты назвал матерью Израиля, кто так много сделала для его возрождения, ляжет главная ответственность за потерю его независимости? Неужели будет уничтожено и никогда не возродится еврейское государство? И вина за это будет лежать на мне? Признаюсь, мне было так плохо, что я не могла даже плакать. А вот сейчас из глаз текут слезы.

Громко звучит песня «Аидише мама» в исполнении оркестра.

ЗАЛМАН. (*После того, как отзвучала песня*). Я представляю, дорогая Голда, какое бездонное отчаяние ты испытала, когда почувствовала всю лежавшую на тебе огромную ответственность за судьбу нашей страны!

ГОЛДА. Да, дорогой Залман. Мне было ясно, что Египет и Сирия напали на Израиль не только для того, чтобы вернуть занятые нами территории, но и с целью уничтожения еврейского государства. Думаю, - если бы я за все эти годы не научилась быть сильной, я бы рассыпалась тут же. Но я выдержала. Неимоверным усилием воли я заставила себя преодолеть пессимизм, подняться с дивана и вновь взять в руки руль управления страной.

ЗАЛМАН. Только такая сильная женщина, как ты, могла быть на это способна.

ГОЛДА. Первое, что я сделала, это позвонила генералу Бар-Леву на Северный фронт и генералу Дадо на Южный фронт. На обоих фронтах ситуация была очень тяжелая. Сирийские танки заняли часть Голанских высот. В Синае почти вся песочная линия Бар Лева на восточном берегу Суэцкого канала была смыта египетскими водометами. Оставался не взятый лишь самый северный форт.

ЗАЛМАН. Египтяне и сирийцы умело использовали фактор неожиданности!

ГОЛДА. На четвертый день войны, когда наступил перелом в военных действиях, я выступила по телевизору и, в частности, сказала, обращаясь к народу и армии (*Говорит в стоящий перед нею микрофон*): «Дорогие сограждане! Помните, что мы стоим спиной к морю и переплыть его не сможем! Я хочу вам сообщить, что в эти дни мы на Голанах отодвинули сирийцев за Пурпурную линию прекращения огня 1967 года и начали собственное наступление. Положение в Синае стабилизировалось настолько, что правительство могло обсудить вопрос о форсировании

канала. Наши воины сражаются героически! Это битва за существование еврейского государства»!

ЗАЛМАН. Успехи израильской армии были очевидны!

ГОЛДА. Но я должна была учитывать, что война затянется, и армия может оказаться без самолетов, танков и снаряжения. Мы отчаянно нуждались в оружии, а оно с начала войны поступало очень медленно. Особенно меня беспокоило отсутствие американской военной помощи в виде воздушного моста Америка – Израиль. И это в то время, когда военная помощь из России в Египет и Сирию поступала по воздушному мосту в огромном количестве.

ЗАЛМАН. Так почему же произошла задержка с американской помощью?

ГОЛДА. Мне самой это было трудно понять. Наш посол в Вашингтоне Симха Диниц по моей просьбе в первый же день войны оповестил Госсекретаря Генри Киссинджера о внезапном нападении на Израиль Египта и Сирии. Три дня я напрасно ждала от Генри звонка. На четвертый день не выдержала и решила позвонить Диницу еще раз, когда в Америке была ночь.

Затемнение на сцене. Действие переносится в рабочий кабинет Голды Меир. Она берет трубку и набирает номер телефона посольства Израиля в Вашингтоне. На другом конце авансцены освещается посол Симха Диниц, сидящий на кровати возле столика с телефоном.

ДИНИЦ. *(Поднимает телефонную трубку)*. Я слушаю.

ГОЛДА. *(В телефонную трубку)*. Это Симха Диниц?

ДИНИЦ. Да, это я.

ГОЛДА. С вами говорит Голда Меир.

ДИНИЦ. Шалом, госпожа Меир! Я узнал ваш голос.

ГОЛДА. *(Громко)*. Где воздушный мост? Почему он не действует? Я знаю, что президент Никсон обещал нам помочь, и уже знаю по собственному опыту, что он не подведет. Почему же сейчас такая задержка?

ДИНИЦ. Вы звоните, когда в Америке поздний ночной час!

ГОЛДА. *(Кричит в трубку)*. Мне все равно, который у вас час! Звони Киссинджеру немедленно, среди ночи. Нам нужна помощь сегодня! Завтра может быть слишком поздно! Передайте Генри, что я жду от него звонка. Прямо сейчас, немедленно!

Затемнение на сцене. На другой стороне авансцены появляется Генри Киссинджер, сидящий в пижаме на кровати с телефонной трубкой в руке.

КИССИНДЖЕР. *(Явно не в духе)*. Это госпожа Голда Меир?

ГОЛДА. Да, Голда Меир.

КИССИНДЖЕР. Почему вы так поздно звоните? Сейчас в Нью-Йорке ночь. Нельзя было подождать до утра?

ГОЛДА. Извините, пожалуйста, нельзя. Это у вас ночь, а у нас день! Нам нужна ваша помощь сегодня. Завтра может быть уже поздно. Вы знаете, Генри, что 6 октября на Израиль напали Египет и Сирия?

КИССИНДЖЕР. Да, знаю. Мне сообщил об этом в тот же день ваш посол Диниц.

ГОЛДА. Но до сих пор мы не имеем от вас никакой ответной реакции.

КИССИНДЖЕР. На это есть свои причины.

ГОЛДА. Так вот, в эти тяжелые для нас дни я обращаюсь к вам за военной поддержкой Израиля прежде всего как к еврею.

КИССИНДЖЕР. Я не раз говорил вам, госпожа Голда, что я, во-первых, - американец, во-вторых, - Госсекретарь, и лишь, в третьих, - еврей.

ГОЛДА. А я вам, Генри, не раз говорила, что мы в Израиле читаем справа налево. И для нас вы прежде всего еврей!

КИССИНДЖЕР. Так что же вы от меня хотите, уважаемая Голда?

ГОЛДА. Не только от вас, но и от президента Никсона. Он и вы обещали нам всестороннюю военную помощь в случае войны с арабами.

КИССИНДЖЕР. Да обещали, но при условии, что вы не начнете войну первыми и не нанесете арабам превентивного удара, как в Шестидневную войну.

ГОЛДА. Это условие, дорогой Генри, мы выполнили. Для этого мне пришлось сопротивляться сильному давлению со стороны некоторых высших чинов нашей армии. Я знала, что в случае, если мы нанесем первый удар, Соединенные Штаты откажут нам в военной помощи.

КИССИНДЖЕР. Вы бы не получили от нас ни единого гвоздя!

ГОЛДА. Мы свое обещание сдержали, а вы, американцы, похоже, свое не торопитесь выполнять.

КИССИНДЖЕР. В решении этого вопроса не все зависело от меня. Дело в том, что министерству обороны Америки не хотелось посылать вам военное снаряжение на американских самолетах, ибо об этом могло бы узнать советское руководство. Для нас это было бы крайне нежелательно.

ГОЛДА. Если бы вы знали, какие затруднения мы испытали, лихорадочно пытаюсь закупить самолеты в других странах! А в это же время по морю и по воздуху в Египет и Сирию шли огромные поставки советского оружия. Мы теряли самолеты каждый день, - не в воздушных боях, а от снарядов советских ракет. Каждый час длился для меня как столетие. Но ничего другого не оставалось, кроме, как упорно держаться и надеяться, что следующий час принесет лучшие новости.

КИССИНДЖЕР. Я очень понимаю, госпожа Меир, ваше волнение и беспокойство.

ГОЛДА. Это хорошо, что вы понимаете, господин Киссинджер. Я готова, если вы сумеете устроить мне встречу с президентом Никсоном, приехать в Вашингтон инкогнито.

КИССИНДЖЕР. Я думаю, что вам прилетать в Вашингтон не следует. Президент загружен другими делами. Ему сейчас тяжело. Никсону в эти дни пришлось заниматься заменой вице-президента Спиро Агню, замешанного в коррупции, на Джеральда Форда. Я встречу сегодня же с ним и поговорю, чтобы он повлиял на министра обороны Шлезингера. Мы видим свою задачу в том, чтобы помочь Израилю победить в войне Судного дня. У нас есть такие возможности. Это будет еще и война с Советским Союзом.

ГОЛДА. Очень надеюсь, что воздушный мост между Америкой и Израилем начнет действовать вскоре после нашего разговора.

КИССИНДЖЕР. Не обещаю, что вскоре, но обещаю, что начнет действовать.

ГОЛДА. Полагаюсь, уважаемый Генри, на ваше обещание!

Затемнение сцены. Действие вновь переносится в салон Голды, где она и Залман продолжают беседу.

ЗАЛМАН. Скажу, дорогая Голда, что ты очень умно провела телефонный разговор с Госсекретарем США Генри Киссинджером. Тем самым ты вновь доказала, что у тебя истинный государственный ум!

ГОЛДА. Мой разговор с Киссинджером, к сожалению, только через несколько дней принес свои результаты. 13 октября я решила дать пресс-конференцию для журналистов.

Голда встает с места и выходит на авансцену к микрофону.

ГОЛДА. О имени правительства я приветствую вас, уважаемые журналисты, на первой своей пресс-конференции после начала войны. Жду ваших вопросов.

ВОПРОС. Скажите, согласится ли Израиль на прекращение огня на линии, существовавшей до 5 октября, то есть до арабского нападения?

ГОЛДА. Нет смысла рассуждать о том, на что согласится или не согласится Израиль, пока наши южные и северные соседи не выразили желания прекратить войну. Когда дойдет дело до прекращения огня, мы рассмотрим этот вопрос со всей серьезностью, ибо мы хотим закончить войну как можно скорее.

ВОПРОС. Бойтся ли Израиль численного превосходства арабских стран?

ГОЛДА. Хотя мы и очень маленький народ и численно наша армия не идет в никакое сравнение с любой из арабских стран, хотя мы не так богаты оружием, как они, у нас есть перед ними два преимущества – наша ненависть к войне и ненависть к смерти.

ВОПРОС. В чем вы, госпожа Меир, как премьер-министр, видите цель Войны Судного дня?

ГОЛДА. Не мы хотели, и не мы начали войну Судного дня. Но у нас есть собственная цель – мир. На этот раз арабам придется встретиться с нами, чтобы искать решение проблемы, уже унесшей за три десятилетия тысячи молодых жизней. Я никогда не прощу арабам то, что они заставили наших детей учиться их убивать! Годами мы вопили: «Мир!», - арабским эхом нам

возвращалось :«Война!». Годами мы видели смерть наших сыновей и терпели почти невероятное положение: арабы признавали существование государства Израиль только тогда, когда нападали на него, чтобы стереть нас с лица земли.

ВОПРОС. В журналистских кругах ходят слухи о секретном оружии Израиля. Если не секрет, что это за оружие?

ГОЛДА. Мы всегда утверждали, что в нашей войне с арабами имеется секретное оружие – полное отсутствие альтернативы. Египтяне могут бежать в Египет, сирийцы – в Сирию. Мы можем бежать только в море, а перед этим имеет смысл дать сражение.

Аплодисменты в зале.

ВОПРОС. Известно, что первые дни войны были неудачными для нашей армии. Насколько успешно шли военные действия на Юге и Севере в последующие дни?

ГОЛДА. Здесь требуется уточнение. Мы не преуспеваем в военных действиях. Мы делаем их, потому что должны, и, слава Богу, сейчас действуем эффективно.

ВОПРОС. Правда ли, что президент Никсон просит вас, госпожа Меир, отправить генерала Моше Даяна в Соединенные штаты в обмен на трех любых генералов, которых вы пожелаете.

ГОЛДА. *(Улыбаясь)*. Это правда, но на уровне анекдота. Он звучит так. Голда дает согласие на обмен: мы отдаем президенту Никсону Дженерал Даяна, а президент отдает нам взамен Дженерал Моторс, Дженерал Электрик и Дженерал Телефон.

В зале слышится смех.

ГОЛДА. Еще есть вопросы? *(Пауза)*. Нет. Пресс-конференция закончена. Благодарю вас за внимание.

*Голда возвращается на свое кресло
в салоне возле круглого стола.*

ЗАЛМАН. Да, наш министр обороны Моше Даян очень популярен в Америке. Так, когда же заработал воздушный мост Америка - Израиль?

ГОЛДА. После того, как сам президент Никсон отдал приказ, только на девятый день войны, наконец, прибыли гигантские «Галакси» С-5. Именно в этот день открылся воздушный мост, который стал для нас неоценим. Он не только поднял дух нашей армии, но и прояснил позицию американцев для Советского Союза. А это сделало возможной нашу победу!

ЗАЛМАН. Америка очень помогла нам с вооружением. Как говорится, лучше поздно, чем никогда!

ГОЛДА. Услышав, что «Галакси» приземлились в Лодде, я заплакала в первый, но не в последний раз после того Судного дня. Вот и сейчас плачу, - настолько сильно воспоминание о том дне, когда наш Израиль был спасен от уничтожения. *(Вынимает платок и вытирает глаза)*.

ЗАЛМАН. Это, дорогая, слезы радости!

ГОЛД. А после «Галакси» к нам прибыли самолеты «Фантомы» и «Скайхоки». Правда, наши друзья-социалисты в Европе не позволили этим самолетам приземляться для заправки горючим на территории их стран. Пришлось искать другие пути.

ЗАЛМАН. Что касается друзей-социалистов, тут все понятно: у них горло забито арабской нефтью!

ГОЛДА. А еще я плакала оттого, что в этот день мы опубликовали первый список наших потерь. Шестьсот пятьдесят шесть израильтян, погибших в боях, вошли в этот первый список. К сожалению, без потерь не бывает войн. Радость и скорбь в душе всегда рядом.

ЗАЛМАН. Потери действительно огромные. Я глубоко скорблю вместе с тобой и со всей страной, дорогая Голда.

ГОЛДА. В среду мне позвонил с Южного фронта начальник Генштаба Дадо, - сразу после колоссального танкового сражения, в котором наши войска наголову разбили в Синае египетские танковые части. В результате египетское наступление было подавлено. Дадо говорил медленно, обдумывая каждое слово.

ГОЛОС ДАДО. *(В телефонную трубку):* «Го-о-л-да, все будет в порядке. Мы – опять мы, они – опять они. Египетское наступление подавлено!».

ГОЛДА. Я услышала и поняла: ветер переменился, хотя предстояли еще кровавые бои. 15 октября, на десятый день войны, Армия Оборона Израиля начала форсировать Суэцкий канал с целью создания предмостного укрепления на другом берегу. Начало операции постоянно переносилось. В таком безумном напряженном ожидании прошла вся ночь. Парашютисты уложились вовремя, но пехота, артиллерия и танки задержались, так как им пришлось выдержать жестокую схватку с противником. Но я не покидала свой кабинет, пока не узнала, что операция успешно завершена.

ЗАЛМАН. Все наши воины показали в этом сражении пример подлинного героизма!

ГОЛДА. На следующий день я впервые выступила перед Кнессетом с отчетом о ходе войны Судного дня. Хотя я чувствовала себя очень уставшей, речь моя продолжалась 40 минут. Я рассказала, какая ситуация сложилась на фронте по состоянию на 16 октября. Показала истинные цели, которые ставили перед собой арабские страны, внезапно напавшие на нашу страну. Раскрыла неблагоприятную роль Советского Союза в вооружении и подготовке к войне Египта и Сирии.

ЗАЛМАН. Я, конечно, находился в Кнессете, когда ты произносила свою речь, и считаю, что она имела огромное мобилизующее значение для всей страны!

Затемнение сцены. Голда встает с места и выходит на авансцену к микрофону. Сцена освещается.

ГОЛДА. *(Произносит в микрофон речь в Кнессете):* «Уважаемые депутаты Кнессета! Сегодня идет уже 11-й день жестокой войны на всех границах нашей страны, войны, которая была внезапно для нас развязана нашими врагами в самый святой для еврейского народа день, - день Искупления, - Йом-Кипур. Арабские страны сосредоточили для этой агрессии огромные силы. На 15 октября силы армии Египта составили 650 тысяч солдат, 650 боевых самолетов, 2 тысячи 500 танков. В составе армии Сирии были 160 тысяч солдат, 330 боевых самолетов, 2 тысячи танков. Кроме того, в войне с Израилем участвовали воинские соединения Ирака, Иордании, Марокко. Несмотря на это, на Западном берегу Суэцкого канала уже действуют наши войска. Я хочу выразить благодарность президенту и народу Америки за неоценимую помощь в войне. Я также хочу выразить возмущение действиями правительств Франции и Англии, которые наложили эмбарго на поставку нам оружия как раз тогда, когда мы боремся за свое существование!

Уважаемые депутаты Кнессета! Больше всего я хочу, чтобы мир представил себе, что произошло бы с нами, отступи мы перед войной на линию 4 июня 1967 года, - ту самую линию, которая не предотвратила Шестидневную войну. Я никогда ни на минуту не сомневалась, что истинной целью арабских государств было и есть полное уничтожение государства Израиль. Вот почему сегодня, 16 октября 1973 года, я считаю своим долгом напомнить государствам – членам ООН, особенно арабским, почему мы так крепко и упорно – в ожидании мирных переговоров – держимся за то, что мы взяли в 1967 году.

Уважаемые депутаты Кнессета! Мне хочется подчеркнуть вину Советского Союза и ту зловещую роль, которую он играет на Ближнем Востоке. После Шестидневной войны СССР восстановил мощь армий Египта и Сирии, поставил им горы новейшего оружия, послал огромное количество советников и инструкторов, установил в районе Суэцкого канала дивизионы ракет ПВО класса «Стрела». Рука Советского Союза хорошо видна в военной доктрине и тактике наших врагов, в массивной поддержке арабов в самый разгар войны. Такое поведение Советского Союза далеко выходит за рамки недружественной политики. Это политика безответственности не только по отношению к Израилю, но и по отношению ко всему региону и миру в целом. Тем не менее, я уверена, что мы победим в войне Судного дня с помощью наших друзей и прежде всего Соединенных Штатов Америки!

По окончании речи Голды в Кнессете раздаются аплодисменты. Голда возвращается на свое место в салоне возле журнального столика рядом с Эалманом.

ЗАЛМАН. *(Хлопает в ладоши).* Браво, дорогая Голда! У тебя большой ораторский талант! Твоя речь воодушевила депутатов Кнессета! Что касается

Советского Союза, то 19 октября, на тринадцатый день войны, хотя бои еще не прекратились, председатель российского правительства Косыгин предпринял спешную поездку в Каир. Арабские клиенты проигрывали войну, начатую с помощью Советов, поэтому «спасать лицо» приходилось не только Египту, но и Советскому Союзу.

ГОЛДА. *(Улыбаясь)*. Как точно ты сказал, дорогой Залман. Мало того, что египтянам не удалось разрушить предместное укрепление израильтян на Западном берегу Суэцкого канала, - им пришлось еще докладывать своему покровителю, что Армия Оборона Израиля находится западнее канала в ста километрах по шоссе от Суэца – до Каира!

ЗАЛМАН. Положение другого подшефного – Сирии – на Голанах было еще хуже: всего в 38 км от Пурпурной линии до Дамаска!

ГОЛДА. И русские, как всегда, начали кампанию в ООН за немедленное прекращение огня. Для них неважно, кто начал войну и кто ее проиграл. Важно было вытащить арабов из ямы, которую они сами себе выкопали. То есть спасти египетские и сирийские войска от полного разгрома. 23 октября я выступила в Кнессете с заявлением о прекращении огня.

Голда встает с кресла и выходит на авансцену к микрофону.

ГОЛДА. *(В микрофон)*. Уважаемые депутаты Кнессета! Я собираюсь сделать для вас заявление израильского правительства по поводу резолюции 338 о прекращении огня, принятой накануне Советом Безопасности ООН. Я хочу, чтобы народ Израиля знал, что мы соглашаемся на него не из-за военной слабости, и что мы о нем не просили. В резолюции говорится о том, чтобы, цитирую, «начались переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой ООН с целью восстановления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке». Но в ней не говорится, как это будет сделано. Раз египтяне не подчинились этому решению, то и мы не остановились. Война продолжалась, мы завершили окружение Третьей египетской армии и взяли под контроль часть города Суэц. После этого была принята еще одна резолюция 339 Совета Безопасности о прекращении огня.

Уважаемые депутаты Кнессета! Наше положение на обоих фронтах намного лучше, чем было до начала войны. Правда, Египет продолжает удерживать узкую полосу на Восточном берегу канала, но Армия Оборона Израиля прочно закрепилась на Западном его берегу. На севере, на Голанских высотах, мы заняли всю территорию, находившуюся под нашим контролем перед войной, и вступили на территорию Сирии. Тем не менее Израиль желает, чтобы мирные переговоры начались немедленно и одновременно с прекращением огня. Мы можем проявить внутреннюю силу, необходимую для достижения почетного мира в надежных границах. Однако до тех пор, пока египтяне и сирийцы не будут испытывать такого же стремления, эти слова останутся только словами. Спасибо! Благодарю за внимание!

По окончании речи Голды Меир, Кнессет приветствовал ее аплодисментами. Голда покидает авансцену и садится в свое кресло в салоне у журнального столика рядом с Залманом.

ЗАЛМАН. (Аплодирует Голде). Я остался в восторге, дорогая Голда, от твоей речи в Кнессете по случаю прекращения огня. Это была триумфальная речь премьер-министра государства, одержавшего победу над арабами в войне Судного дня!

ГОЛДА. Да, ты прав, дорогой Залман. Я до сих пор считаю, несмотря ни на что, что Израиль победил в этой войне. Самым важным человеком на Ближнем Востоке стал не президент Садат, не президент Асад, не король Фейсал, и даже не миссис Меир, сидящая перед вами. Главным человеком стал американский Государственный секретарь и Советник президента по Национальной безопасности Генри Киссинджер. Усилия, которые он приложил, чтобы добиться мира в регионе, следует назвать сверхчеловеческими.

ЗАЛМАН. Я бы назвал - фантастическими!

ГОЛДА. Я восхищалась его интеллектуальной одаренностью, а терпение и настойчивость его были безграничны. Он приезжал в Израиль не один раз, и в конце концов мы стали добрыми друзьями. В первый раз он прибыл в Израиль в конце октября, чтобы обсудить и подготовить договор о размежевании египетских и израильских войск.

ЗАЛМАН. Как прошла ваша первая встреча?

ГОЛДА. Очень результативно. Наша встреча была частью его знаменитой челночной дипломатии, когда он поочередно посещал столицы всех заинтересованных стран, где вел активные переговоры о размежевании войск в Синае и на Голанских высотах, а также об обмене пленными. У Генри было все: ум, работоспособность, выдержка и то, что он представлял самое могущественное государство мира. В совокупности это создавало очень эффективную комбинацию. Пожалуй, из всех замечательных качеств Киссинджера самое замечательное – его умение входить в мельчайшие тонкости проблемы, за решение которой он брался.

Затемнение сцены. Освещается рабочий кабинет

Голды Меир, где она принимает Генри Киссинджера.

ГОЛДА. Я очень рада, господин Государственный секретарь, принимать вас после прекращения огня в своем тель-авивском рабочем кабинете.

КИССИНДЖЕР. А я, со всей стороны, очень рад встретиться с Вами после окончания продолжавшейся 18 дней тяжелой войны Судного дня.

ГОЛДА. Вновь повторяюсь, если скажу, что я по-прежнему в первую очередь принимаю вас как сына еврейского народа, которому не безразличны судьба Израиля и те испытания, которые выпали на его долю во время войны.

КИССИНДЖЕР. Должен признаться вам, уважаемая госпожа Меир, что эта война повернула меня лицом к Израилю и заставила проникнуться чувством

глубокого сочувствия и сострадания к жертвам войны и их родным. Ведь я родился в Германии, в баварском городке Фюрте и в 1938 году вместе с родителями был вынужден в 15-летнем возрасте эмигрировать в Соединенные Штаты. Тринадцать моих ближайших родственников и большинство одноклассников погибли в период Холокоста.

ГОЛДА. Мог ли Холокост, господин Киссинджер, повлиять на ваше политическое развитие?

КИССИНДЖЕР. Не думаю. Но благодаря Холокосту я эмоционально привязался к Израилю. Между прочим, знаешь ли ты, что мое еврейское происхождение мешало мне в моей политической деятельности? Президент Ричард Никсон имел антисемитские предрассудки и в самом начале пытался отстранить меня от работы на Ближнем Востоке. Между тем, я был инициатором создания стратегического альянса между Америкой и Израилем. Перед собой поставил две основные цели: поддержать право Израиля на землю, отвоеванную в результате Шестидневной войны, и уменьшить советское влияние в вашем регионе.

ГОЛДА. Тем более, господин Госсекретарь, вам честь и хвала, что, несмотря на предрассудки президента Никсона, вы оказали Израилю во время войны Судного дня всемерную поддержку. И всё-таки меня до сих пор мучает вопрос: почему вы задержали нам военную помощь и поздно наладили воздушный мост Америка – Израиль?

КИССИНДЖЕР. Тому было несколько причин, одну из которых я вам уже называл. А главная причина задержки с поставкой военной помощи Израилю заключалась в «Уотергейтском деле», открытом против Никсона из-за установки системы для прослушки совещаний в штабе Демократической партии перед вторыми для Никсона президентскими выборами. Именно тогда ему было не до Израиля.

ГОЛДА. Очень сожалею, что он сам поставил себя в столь щекотливую ситуацию.

КИССИНДЖЕР. Но я все же настоял тогда на своей встрече с президентом, после которой последовал его приказ об экстренной военной помощи Израилю посредством американских военных самолетов. Потом между нами и вами был достигнут компромисс, согласно которому военная техника стала доставляться в Израиль вашими самолетами.

ГОЛДА. За это мы всегда будем вам благодарны, господин Киссинджер. Для нас эта война была прежде всего войной за нашу независимость, во имя спасения еврейского государства!

КИССИНДЖЕР. А я полагаю, что, на мой взгляд, это не была война на уничтожение. Это была политическая игра двух сторон, опирающихся в разной степени на мировую общественную поддержку. Более того, обе страны – Египет и Сирия - не собирались вести войну за возвращение потерянных территорий. Я думаю, что целью президента Садата было

изменить соотношение сил в регионе. Военным путем он намеревался добиться большей гибкости Израиля на переговорах, лишив его чувства постоянного превосходства!

ГОЛДА. Вот с этим мнением, господин Киссинджер, я не могу согласиться, учитывая, какую колоссальную помощь получили от Советского Союза Египет и Сирия. Для нас это была война на выживание, в которой арабские страны стремились военным путем вернуть занятые нами территории.

КИССИНДЖЕР. Возможно, я и ошибаюсь, но, как еврей, я испытываю особую приверженность Израилю. В первый же год президентства Никсона я провозгласил, что наша политика заключается в изгнании Советского Союза с Ближнего Востока. Я считаю существование еврейского народа и государства Израиль своей личной целью. Америка была заинтересована в победе вашей страны. Ибо победа Египта и Сирии означала бы победу Советского Союза.

ГОЛДА. Правда, Америка и Израиль испытали большие трудности, когда арабские страны 17 октября объявили «нефтяное эмбарго» государствам, помогавшим нам в ходе войны Судного дня.

КИССИНДЖЕР. В том числе и Соединенным Штатам. Арабы снизили добычу нефти на десять процентов, что увеличило ее стоимость в несколько раз! Президент Никсон призвал всех граждан страны к экономии горючего. Вот почему на следующий день в ходе телефонного разговора с советским послом Добрыниным я признался: «Мой самый страшный кошмар - это победа любой из сторон, то есть как арабов, так и Израиля».

ГОЛДА. Не думала, что победа Израиля может стать для вас страшным кошмаром.

КИССИНДЖЕР. Видимо, я опять ошибался. 20 октября я был в Москве, чтобы обсудить с советским руководством соглашение о прекращении огня. Генеральный секретарь Леонид Брежнев в разговоре с министром иностранных дел Андреем Громыко не скрывал своего возмущения тем, как президент Анвар Садат, несмотря на огромную помощь Советского Союза, умудрился опять проиграть войну. Потом министр Громыко перевел мне его гневную тираду с русского на английский язык. Вот она:

ГОЛОС БРЕЖНЕВА: «Мы столько лет предлагали им разумный путь. Они хотели повоевать! Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую – какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное – в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах – абсолютное. И что? Их опять раздолбали! И опять они драпали! И опять вопили, чтобы мы их спасли. Нет! Мы за них воевать не станем! Садат дурак и погубит Египет»

ГОЛДА. Мы, израильтяне, даже в самые тяжелые дни войны не сомневались, что победим.

КИССИНДЖЕР. А вот, что сказал мне президент Садат на встрече в Каире:

ГОЛОС САДАТА: «Я принял решение согласиться на перемирие, потому что против меня были США и Израиль, а Советский Союз стоял за мной, готовый воткнуть кинжал мне в спину. Теперь я предпочитаю иметь дело с Америкой, а не с Россией!».

КИССИНДЖЕР. Вот так Садат отблагодарил Брежнева за оружие для Египта!

ГОЛДА. Советское оружие Садату не помогло, как и президенту Сирии Асаду.

КИССИНДЖЕР. Напомню, что по пути в самолете из Москвы в Вашингтон, я за несколько часов до истечения срока первого перемирия позвонил вам, госпожа Меир, и сказал, что вы не услышите от нас никаких протестов, если что-то произойдет за ночь. Но я поставил условие, что в случае окружения Третьей египетской армии она не будет уничтожена, и будет налажена доставка в нее продовольствия и медикаментов. Об этом меня лично попросил президент Садат.

ГОЛДА. Я вам очень признательна, господин Киссинджер, за тот важный звонок. Благодаря ему, мы получили дополнительно еще четыре часа, чтобы окружить Третью египетскую армию на восточном берегу Суэцкого канала, и при этом выполнили ваше условие.

КИССИНДЖЕР. Это было очень важно.

ГОЛДА. Уважаемый Генри, я хочу у вас еще спросить: поднимали ли вы на встрече в Москве с Брежневым вопрос об упрощении репатриации евреев из Советского Союза?

КИССИНДЖЕР. Нет, не поднимал. Репатриация евреев из Советского Союза не является приоритетной задачей американской внешней политики. Важно не то, что является истиной, а то, что воспринимается как истина.

ГОЛДА. Почему?

КИССИНДЖЕР. Потому что против упрощения репатриации евреев выступает сам Брежнев, испытывающий сильное давление со стороны арабов.

ГОЛДА. Что же, мы оставим этот вопрос открытым и будем добиваться его решения в будущем. Прощайте, господин Киссинджер. Еще раз вам огромное спасибо за военную и дипломатическую поддержку Израиля!

КИССИНДЖЕР. Прощайте, госпожа Меир. Это была встреча верных друзей!

Затемнение. Киссинджер покидает сцену. Освещается салон в доме Голды, где она беседует с Залманом.

ЗАЛМАН. Дорогая Голда, подробности твоей встречи с Генри Киссинджером я узнаю впервые. Как приятно, что он во время войны повернулся лицом к Израилю! Спустя полмесяца, 11 ноября 1973 года на сто первом километре шоссе Каир-Суэц был подписан договор о размежевании войск между Израилем и Египтом. Вскоре состоялся обмен между израильскими и египетскими военнопленными. А вот сирийцы согласились на подписание договора о размежевании и на обмен пленными намного позже.

ГОЛДА. В стране нарастало движение протеста. Это было естественное выражение возмущения, вызванного фатальным рядом неудач. Но в иных случаях были и злобность, и чистейшая демагогия, и стремление оппозиции нажать политический капитал на национальной трагедии. Когда в Кнессете происходили первые после войны политические дебаты, то особенно меня вывела из себя речь главы правого блока Гахаль Менахемв Бегина. Ты, конечно, слышал ее, и я на эту речь потом резко отреагировала.

Затемнение сцены. Действие переносится в Кнессет.

Освещается авансцена, на которую выходит к трибуне

Глава оппозиции Менахем Бегин.

БЕГИН. *(В микрофон)*. Уважаемые депутаты кнессета! Война Судного дня нанесла огромную национальную травму всему израильскому обществу. Она остается незаживающей раной в сердцах израильтян. Разве можно говорить о какой-либо победе Израиля, если война стоила нам более двух с половиной тысячи жизней? Мы должны понять, как это могло произойти и кто за эту трагедию несет ответственность. Напомню вам, что войне Судного дня предшествовала Война на истощение. С помощью тысячи советских инструкторов Каир быстрыми темпами перевооружался после сокрушительного поражения в Шестидневной войне 1967 года.

В марте 1968 года Египет перешел к военным действиям, начав массированную бомбардировку наших фортификационных сооружений вдоль Суэцкого канала. Ежедневно на израильские позиции обрушивался шквал огня, и Израиль был вынужден с помощью авиации реагировать на эти провокации. Тогда президент Насер обратился за помощью к своим советским покровителям, и те не замедлили оказать ее. Каиру были предоставлены усовершенствованные ракетные установки класса «земля-воздух», позволившие нейтрализовать наше превосходство в воздухе. Тогдашний Госсекретарь Роджерс предложил план, согласно которому обе стороны прекращали военные действия, а контроль над ситуацией передавался ООН на основе резолюции Совбеза под номером 242. Эта резолюция призывала к «выводу израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных в ходе недавнего конфликта». Я считал это соглашение неприемлемым, так как Израиль, соглашаясь на условия прекращения огня, тем самым обязывался отвести войска от Суэца, не получая при этом никаких гарантий безопасности.

Что же в итоге? Наш премьер-министр госпожа Меир под давлением американцев согласилась на предложение США. Мои опасения подтвердились уже спустя несколько часов после подписания соглашения о прекращении огня. Египет цинично нарушил условия соглашения и перебросил в зону прекращения огня советские ракетные установки. Госпожа Меир потребовала от американцев заставить Египет вывести ракетные установки из зоны прекращения огня, однако президент Никсон

ничего не сделал, чтобы исправить эту ситуацию. И под его давлением госпожа Меир уступила! Как следствие, египтяне грубо нарушили условия прекращения огня, создав тем самым прямую угрозу нашей безопасности. Будучи не согласен с позицией госпожи Голды Меир, я тогда же заявил о выходе своего правого блока Гахаль из правящей коалиции.

Результаты плана Роджерса мы почувствовали я уже через несколько лет. К сожалению, сбылось мое пророчество, в котором я предсказывал неизбежность новой, чреватой уничтожением Израиля войны. Египтяне разместили батареи «земля-воздух» на территории, откуда были способны поражать воздушные цели на глубине от 10 до 15 километров на занятой нами восточной стороне канала. Внезапно начав войну Судного дня и располагая зонтом Противовоздушной обороны, Египет крайне затруднил действия наших военно-воздушных сил. Он легко начал наземную операцию, которую мы смогли остановить лишь ценой значительных потерь. Такова была реальность, о которой наш народ должен знать. Исходя из всех этих соображений, я призываю госпожу Меир признать свою ответственность и подать в отставку. Спасибо за внимание!

Закончив свою речь, Бегин под бурные овации своих сторонников сходит с трибуны. Место за трибуной у микрофона занимает Голда Меир.

ГОЛДА. *(В микрофон)*. Уважаемые депутаты Кнессета! Выступивший передо мной глава оппозиции Менахем Бегин изрыгал огонь и серу, критикуя мою позицию относительно плана Роджерса. Я обращаюсь непосредственно к господину Бегину. Похоже, что он не все понимает из того, что произошло. Тогда мы оказались в совершенно новой ситуации: прекращение огня было бы невозможно, если бы мы не приняли все условия плана Роджерса. Господин Бегин с самого порога отверг его. Так не поступают! Он прекрасно знает, что я категорически отвергаю любые попытки навязать нам какое-либо решение. Господин Бегин упрекает меня в том, что я уступила давлению Никсона и дала согласие на план Роджерса на американских условиях прекращения огня. Тогда же его блок Гахаль вышел из правительственной коалиции, о чем я могу только сожалеть. Но как я могла противостоять давлению американского президента, от которого всецело зависела военная помощь Израилю? И все же я готова взять на себя ответственность за то, что, приняв план Роджерса, нам пришлось дорого заплатить за эти уступки в первые дни войны Судного дня. Что касается призыва господина Бегина уйти в отставку, то сначала надо дождаться решения Государственной следственной комиссии. Благодарю за внимание.

Голда сходит с трибуны под аплодисменты сторонников своей партии. Затемнение сцены. Действие переносится в салон дома Голды, где она ведет беседу с Залманом.

ГОЛДА. Добавлю, что беспощадно критические речи других представителей оппозиции меня настолько взорвали, что я, когда наступил мой черед закрывать прения, отказалась отвечать на их выступления. Эпицентром всей этой бури был Моше Даян, от которого требовали срочного ухода в отставку.

ЗАЛМАН. Да, дорогая Голда, этой буре гнева и возмущения трудно было что-либо возразить. В ней звучали как чистые, так и нечистые голоса.

ГОЛДА. 18 ноября была создана Государственная следственная комиссия под председательством главы Верховного суда Шимона Аграната. Меня несколько раз приглашали на заседание этой комиссии, и один из вопросов был задан по поводу работы военной разведки и Моссада.

Затемнение сцены. Действие переносится в одну из комнат, в которой работает комиссия Аграната. За большим столом сидит Шимон Агранат, напротив него - Голда Меир, держа на коленях дамскую сумочку.

АГРАНАТ. Мы пригласили вас, госпожа Меир, на заседание Государственной следственной комиссии, чтобы узнать, как вы оцениваете работу военной разведки и Моссада перед войной Судного дня?

ГОЛДА. Мне приходится признать, что военная разведка под руководством Эли Зеира не справилась со своей задачей. Хотя на границе с Египтом и Сирией имелись все признаки подготовки арабских армий к войне, руководство разведки, начальник Генштаба, министр обороны и другие генералы убеждали меня, что войны не будет. И все-таки я виню себя в том, что 5 октября, за день до начала войны, я не объявила о всеобщей мобилизации, хотя внутренний голос подсказывал мне, что я должна была это сделать. Всеобщая мобилизация была объявлена только днем позже, 6 октября, когда война уже началась.

АГРАНАТ. Скажите, когда точные разведданные вам доставил Моссад?

ГОЛДА. Я возлагала большие надежды на его разведку. У нас был постоянный высокопоставленный египетский агент Ашраф Марван, зять умершего Насера по прозвищу «ангел», который входил в число ближайших советников президента Садата и одновременно сотрудничал с Моссадом. Только 5 октября он пригласил главу «Моссада» Цви Замира прибыть в Лондон для встречи с ним. Лишь за 14 часов до нападения арабских армий на Синай и Голанские высоты Марван сообщил Замиру, что война начнется 6 октября ближе к вечеру. На самом деле нападение произошло раньше - в 2 часа дня и застало всех нас врасплох. По-видимому, президенты Садат и Асад в последний момент договорились о точном времени начала совместных военных действий. Мы абсолютно не были к этому готовы, вот почему наша армия в первые дни войны отступала и несла большие потери.

АГРАНАТ. Вы могли бы назвать точные цифры наших потерь убитыми, ранеными и пленными?

ГОЛДА. Да, могу. Я всегда их ношу с собой. (*Вынимает из сумочки листок бумаги*). Наши потери убитыми в период войны Судного дня составляют 2552 человека, возможно, чуть больше. Цифры остальных потерь еще уточняются и приблизительно составляют от 7500 до 12 000 человек ранеными и от 326 до 530 человек, попавших в плен. Это очень печально.

АГРАНАТ. Скажите, госпожа Меир, были ли у вас перед войной встречи с кем-либо из арабских лидеров?

ГОЛДА. Да, господин Агранат. Была тайная встреча с королем Иордании Хусейном, состоявшаяся по его просьбе в Иерусалиме за неделю до начала войны Судного дня.

АГРАНАТ. О чем вы говорили на этой встрече?

ГОЛДА. Он сказал, что, насколько ему известно, сирийские войска заняли позиции на нашей северной границе в подготовке к броску. Но в какой день было намечено нападение, король не сказал. Я испытывала недоверие этой информации и не сообщила о ней на заседании правительства, поскольку встреча носила секретный характер. Участие Иордании в войне Судного дня, когда она отправила танковую колонну на помощь Сирии, лишний раз подтвердило мое недоверие информации иорданского короля.

АГРАНАТ. Спасибо, госпожа Меир, за ваши ответы. До свидания!

ГОЛДА. До свидания, господин Агранат.

*Затемнение сцены. Действие вновь переносится в салон
Голды Меир, где она ведет беседу с Залманом Шазаром.*

ЗАЛМАН. Я вижу, дорогая Голда, что тебе нелегко было отвечать на вопросы председателя Государственной следственной комиссии.

ГОЛДА. (*Тяжело вздыхает*). Да, непросто. Параллельно с работой Комиссии Аграната в народе продолжала расти буря гнева и негодования, которая все сильнее увеличивала раскол в обществе. Люди будто забыли, что у нас одна страна, один Кнессет и одно правительство. И только смерть и похороны Давида Бен-Гуриона заставили на несколько дней успокоить разбушевавшиеся страсти и вспомнить, что мы, израильтяне – один народ.

ЗАЛМАН. Бен-Гурион или Старик, как все мы его называли, скончался в больнице Тель-а-Шомер 1 декабря от кровоизлияния в мозг, спустя три недели после заключения соглашения с Египтом о размежевании войск.

ГОЛДА. Он тяжело умирал и две недели отчаянно боролся со смертью, которая оказалась сильнее его. К тому времени Бен-Гуриону исполнилось 87. Газеты писали, что «весть о его кончине повергла всех в шок, а страна погрузилась в глубокий траур. Смерть первого премьер-министра Израиля подводит черту под целой эпохой в истории нашего государства».

ЗАЛМАН. 2 декабря гроб с телом Бен-Гуриона на вертолете был доставлен в Иерусалим и установлен на черном пьедестале у главного входа в Кнессет, где с ним простились более четверти миллиона человек. Мероприятия памяти Давида состоялись в еврейских общинах по всему миру.

ГОЛДА. Я провела в Кнессете траурное заседание правительства, на котором в своей речи назвала главные заслуги Давида перед страной – подписание Декларации Независимости, огромная репатриация евреев из разных стран мира и оборона страны в войну за Независимость. Похороны Бен-Гуриона состоялись на следующий день в Сде-Бокере, где он завещал похоронить себя рядом с женой Полей. Я плакала, когда его гроб опускали в могилу. Да и сейчас не могу сдержать слез. *(Достает платок и вытирает глаза)*. Ведь я обязана Давиду всей своей политической карьерой. Правда, наши отношения не всегда были ровными и безоблачными.

ЗАЛМАН. Да, мы знаем, что он обладал сложным, противоречивым характером и отличался порой диктаторскими замашками.

ГОЛДА. После «дела Лавона» мы даже перестали общаться друг с другом. Но после того, как Давид приезжал в кибуц Ревивим в 1971 году по случаю 50-летия моей репатриации, и после моего ответного визита к нему в Сде-Бокер мы вновь помирились. В течение всей моей общественной деятельности я держала в уме фразу, сказанную молодым Давидом в далекие годы во время нашей встречи в американском Милуоки: «Для нас, евреев, важно не то, что о нас говорят в мире, а то, что мы делаем для себя в стране сами».

ЗАЛМАН. *(Улыбаясь)*. Бен-Гурион не раз любил повторять эту фразу.

ГОЛДА. Давид, всегда мечтавший о мире с арабами, не дожил до мирной конференции которая проходила в Женеве с 21 по 29 декабря того же 1973 года.

ЗАЛМАН. Я помню, что она проходила с участием представителей Соединенных Штатов в лице Генри Киссинджера, Израиля, Египта, Иордании и Советского Союза, но без участия Сирии.

ГОЛДА. К сожалению, конференция не оправдала наших ожиданий. Ее целью было установление на Ближнем Востоке справедливого и устойчивого мира. Но настоящего диалога не получилось. Напротив, с самого начала было ясно, что никаких особых перемен не произошло. Египетская делегация буквально запретила, чтобы ее стол ставили рядом с нашим столом. Атмосфера в целом была далеко не дружелюбная. Мир, как мы снова убедились, не входил в планы Египта. Конференция была отложена до выборов в Израиле 31 декабря, но так и не возобновила свою работу.

ЗАЛМАН. Понятно, почему: происки Советского Союза и арабских стран.

ГОЛДА. На выборах в Кнессет народ получил возможность дать адекватный выход своим чувствам. Наша партия выиграла выборы, которые показали, что страна не собирается менять лошадей в середине скачек.

ЗАЛМАН. А через три месяца, 1 апреля 1974 года, был опубликован предварительный доклад Государственной следственной комиссии Аграната, который освобождал тебя и Даяна от прямой ответственности за неподготовленность Израиля к войне Судного дня.

ГОЛДА. Да, эта дата много для меня значит.

ЗАЛМАН. В отношении твоей деятельности в период войны доклад Аграната указал, что «утром Судного дня Голда Меир приняла умное, благоразумное и быстрое решение провести всеобщую мобилизацию резервистов, рекомендованную начальником Генерального штаба, несмотря на веские политические возражения, чем и оказала важнейшую услугу обороне страны».

ГОЛДА. Эта похвала вселила в меня оптимизм относительно дальнейшего моего пребывания на посту премьер-министра.

ЗАЛМАН. Агранат в докладе настолько критически охарактеризовал деятельность начальника Генштаба и начальника военной разведки в период войны, что Дадо и Эль Заира были вынуждены тут же подать в отставку.

ГОЛДА. Да, начальник военной разведки за провалы должен был понести наказание. А с критикой Давида Элазара я была внутри не согласна, ибо он, по моему мнению, всю войну от начала до конца провел блистательно и безупречно. Очень жаль его. Дадо мог бы быть еще полезен для армии. Но моего мнения тут не спрашивали.

ЗАЛМАН. Ты права, дорогая Голда. Давид Элазар на войне проявил себя намного лучше, чем Даян. Но сейчас я больше думаю о твоей дальнейшей судьбе. С учетом положительной оценки твоей деятельности комиссией Аграната, может, тебе стоит пересмотреть свое решение об уходе в отставку, заявленное 11 апреля?

ГОЛДА. *(Глубоко вздыхая)*. Нет, дорогой Залман. До публикации доклада Аграната я действительно не собиралась уходить из политики и после победы нашей партии на выборах в Кнессет 31 декабря начала формирование нового правительства. По решению партии, Моше Даян в него не вошел. Весь март я боролась за то, чтобы сформировать правительство без коалиции всех партий, хотя с каждым днем это становилось все труднее и труднее.

ЗАЛМАН. Я знаю, дорогая Голда, что у тебя всегда были проблемы с коалицией.

ГОЛДА. Еще какие! Трудности возникли и внутри партии. Коллеги по руководству теперь не хотели противостоять потоку несправедливой критики и даже клеветы, обрушившемуся на меня, Даяна и Галили на том основании, что мы, якобы, втроем принимали важные государственные решения.

ЗАЛМАН. Поражаюсь, как твои коллеги по партии во время общественной бури отказали тебе в поддержке.

ГОЛДА. Меня возмущали безответственные разговоры о моем так называемом «кухонном кабинете», якобы подменявшем правительство. Это было совершенно необоснованное обвинение. Я приглашала на кухню нужных мне людей для того, чтобы избежать имевшей место утечки информации после заседаний правительства. На кухне я спрашивала советы

у людей, чье мнение ценила. Однако никогда и никак эти консультации не подменяли правительственных решений.

ЗАЛМАН. В чем я никогда не сомневался.

ГОЛДА. И, наконец, я дошла до такого предела, где без поддержки всей партии я уже не могла ее возглавлять. Наконец, я сказала себе: «Это все. Уйду в отставку и пусть коалицию попытаются склотить другие. Есть и для меня предел, и теперь я его достигла». Мое решение уйти в отставку было бесповоротно и изменению не подлежало. Тому было несколько важных причин.

ЗАЛМАН. Я догадываюсь, каких.

ГОЛДА. Я начинала испытывать физические и психологические последствия напряжения последних месяцев. Я смертельно устала, не говоря о болезнях и внешних проблемах, и очень сомневалась, сумею ли сформировать правительство в этой ситуации. Была еще одна, пожалуй, главная причина, почему я решила окончательно уйти в отставку.

ЗАЛМАН. Назови мне ее.

ГОЛДА. Ты знаешь. Это внутренний голос совести, никогда во мне не затихающий. Я до сих пор нахожусь под впечатлением от демонстрации движения протеста возле главного входа в Кнессет в феврале 1974 года. Его возглавил офицер Армии обороны Израиля Моти Ашкенази, который был командиром самого северного форта «Будапешт» на линии защиты Бар-Лева, - единственного форта, отразившего атаку египтян. Все в моем окружении говорили мне одно и то же: «Ты не несешь ответственности, так как была окружена генералами». Но я... Наверное, есть такие люди, кому легко снять с себя ответственность. Мне – нелегко. Я чувствовала, что ответственность действительно ложится на меня. И я уже не та, какой была до войны Судного дня.

ЗАЛМАН. Я понимаю твое состояние, дорогая Голда, и ты вправе принять решение, которое считаешь нужным.

ГОЛДА. Одновременно с отставкой с поста премьер-министра я покинула пост вице-председателя Социалистического интернационала.

ЗАЛМАН. Кого бы ты рекомендовала занять освобожденную должность премьер-министра Израиля?

ГОЛДА. Я уже думала об этом и предложила партии МААРАХ кандидатуру генерала в отставке Ицхака Рабина, который отличился в качестве начальника Генштаба в Шестидневной войне и пять лет был послом Израиля в

Соединенных штатах. Правда, на это место также претендует Шимон Перес. Все решат выборы председателя партии. Мне кажется, что больше шансов победить у Рабина, хотя у Переса немало заслуг перед страной.

ЗАЛМАН. А теперь я спросить тебя: была ли ты счастлива в жизни?

ГОЛДА. Считаю, дорогой Залман, что жизнь моя была очень счастливой, несмотря ни на что. Я не только дожила до рождения еврейского государства, но и видела, как оно приняло и абсорбировало массы евреев со всех концов земли. Я благодарна судьбе и за то, что живу в стране, народ которой научился жить в море ненависти и продолжает лелеять свое представление о мире. Уверена, что это часть нашего образа жизни в Израиле.

ЗАЛМАН. А как ты представляешь себе наше будущее?

ГОЛДА. Я представляю такое будущее еврейского государства, в котором будут селиться и строить новую жизнь евреи со всех концов света. Я верю, что в будущем Израиль останется процветающей демократией, а общество будет основано на принципах социальной справедливости и равенства. Я верю, что общество станет здоровым и единым, а слова и дела будут соответствовать друг другу. И я верю, что когда-нибудь наши соседи будут жить с нами в мире.

ЗАЛМАН. Скажи, дорогая Голда, а тебя не пугает наступившая старость?

ГОЛДА. Нет, не пугает. Старость подобна самолету, летящему во время бури. Когда вы окажетесь на борту, вы ничего не сможете сделать. Вы не можете остановить самолет, вы не можете остановить ветер, вы не можете остановить время. Так что с таким же успехом можно принять все это спокойно, с умом. ЗАЛМАН. И у тебя больше нет никаких желаний?

ГОЛДА. У меня осталось только одно желание.

ЗАЛМАН. Какое, дорогая Голда?

ГОЛДА. Желание никогда не утратить сознания, что я в долгу перед тем, что было мне дано с тех пор, как я впервые услышала про сионизм в маленькой комнатке в царской России. А потом в долгу перед пятидесятью лет жизни здесь, в Израиле, где пятеро моих внуков выросли свободными евреями в собственной стране. Пусть никто не сомневается: на меньшее наши дети и дети наших детей не согласятся никогда! Этим желанием я собираюсь завершить свои мемуары «Моя жизнь».

ЗАЛМАН. Мне остается только сказать тебе, дорогая Голда: «АМЕН!». *(Поднимается с места, собираясь уходить).* Вот и пришла нам пора прощаться. Вечер прошел замечательно! Перед уходом я хочу сказать тебе еще несколько очень важных слов

ГОЛДА. *(Поднимается с кресла).* Очень важных? Каких?

ЗАЛМАН. *(Тихо).* Я по-прежнему люблю тебя так же, как и в те далекие годы, когда мы были с тобой молодыми. *(Нежно целует Голду в губы).*

ГОЛДА. Разве меня сейчас возможно любить? Я старая, больная женщина. У меня большие внуки.

ЗАЛМАН. Это не имеет никакого значения. Для меня ты совсем не изменилась. Как любил, так и буду любить тебя до конца жизни.

ГОЛДА. И тебя, дорогой, не смущает, что я любила, кроме тебя, и других мужчин?

ЗАЛМАН. Ну и что? Ты мне подарила, если не считать моей супруги, самые счастливые моменты в моей жизни. Я не умею ревновать и так благодарен Всевышнему, что ты встретила в моей жизни!

ГОЛДА. Спасибо, дорогой Залман, за это признание. Нам есть, о чем вспомнить. С момента нашей первой встречи я влюбилась в тебя и с тех пор храню в себе это чудесное чувство. Но теперь мне требуются покой и лечение. Еще у меня есть к тебе одна просьба. Я собираюсь написать в своем завещании пожелание, чтобы после моей смерти в стране не называли моим именем улицы и площади в городах и кибуцах. Прошу тебя, чтобы ты проследил за исполнением этого желания. Обещаешь?

ЗАЛМАН. *(Не сразу)*. Мне трудно обещать, дорогая. Не знаю, сколько я еще проживу на свете. Время покажет.

ГОЛДА. Большое спасибо за приезд на мой день рождения, за чудесные розы и книгу на идиш. Прощай! Будь здоров, дорогой Залман, и живи до ста двадцати! Дверь в моем доме для тебя всегда открыта.

ЗАЛМАН. Прощай, дорогая Голда! МАЗАЛЬ ТОВ! До ста двадцати! Еще мы с тобой увидимся и не один раз!

Залман, приоткрыв дверь, посылает Голде воздушный поцелуй и выходит из дома. Голда, сев в кресло, вынимает из вазы розы и, целуя, со счастливой улыбкой прижимает их к груди.

Э П И Л О Г

На огромном экране в глубине сцены появляется большой портрет Голды Меир периода войны Судного дня. Закадровый мужской голос зачитывает по радио речь главы правительства Израиля. Свет в зрительном зале зажигается не сразу, а постепенно - к концу речи.

ЗАКАДРОВЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС:

Зачитывается речь главы правительства Израиля на государственной церемонии в Кнессете, посвященной памяти Голды Меир: «8 декабря 1978 года в зимний и дождливый день государство Израиль с чувством скорби, но с глубокой благодарностью и почтением проводило в последний путь Голду Меир. Эта особая женщина, единственная женщина, сумевшая стать премьер-министром Израиля, более пяти лет имела статус ведущей фигуры в жизни нашей нации. В тот период она была не только сильным лидером и вызывающим уважение представителем нашего народа и нашей страны, но также, в глазах всего мира, являлась символом государства Израиль и воплощением образа еврейской матери, которая, как львица, охраняет свою семью и своих детенышей.

В национальной памяти имя Голды осталось связанным преимущественно с войной Судного дня, что несправедливо. В тот период она стояла во главе правительства и потому воспринималась как человек, несущий полную ответственность за злой сюрприз, потрясший государство Израиль. Некоторые обвиняют ее в близорукой и не гибкой политике, тормозившей возможности мирного процесса или урегулирования отношений с Египтом до войны. Некоторые обвиняют ее в том, что она не приняла решение о проведении военной операции в ответ на то, что Египет пододвинул свои ракетные системы к Суэцкому каналу, тем самым нарушив соглашение о прекращении огня, которым завершилась «война на истощение». Некоторые обвиняют ее в том, что не была проведена вовремя мобилизация резервных войск и не нанесен превентивный воздушный удар за несколько часов до совместной сирийско-египетской атаки.

Но на все обвинения отвечает история, которая помогает увидеть в правильном свете решения Голды. Ее старания начать прямой диалог с Египтом натолкнулись на стену подозрительности и недоверия. Сложные соображения, во главе которых стояли особые отношения и необходимость координации государственных решений с Белым Домом и правительством в Вашингтоне превалировали над другими доводами. Не

обладая никаким военным опытом, с помощью мудрости, здравого смысла и чувства меры, она принимала решения, получая противоречащие рекомендации и предложения от окружающих ее специалистов по безопасности, в том числе и от авторитетного начальника Генерального штаба и прославленного министра обороны.

Всегда находится количество тех, кто умен задним числом. И только тому, кто оказывается во время войны ответственным за принятие решений на национальном уровне, несмотря на наличие многих советников и специалистов, дающих множество советов, на самом деле спросить некого. В конечном счете, ты остаешься в одиночестве, сам с собой, и все, что у тебя есть, это только твой разум и твоя совесть, которые должны справиться с очень сложной противоречивой реальностью. Не надо забывать, что Государственная комиссия сочла все действия и решения Голды похвальными в ту тяжелую и травматическую войну, в которую количество убитых исчислялось тысячами. Голда Меир служила своему народу с горячей любовью и открытой душой. Государство Израиль и еврейский народ будут вечно ее помнить, и в наших летописях ей навечно будет сохранено почетное место. Да будет благословенна ее память!»

Звучит государственный гимн Израиля «А-Тиква» («Надежда»)

К О Н Е Ц П Ь Е С Ы

2024

Голда Меир

израильская политическая и государственная деятельница,
4-й премьер-министр Израиля (1969–1974)

Давыдов (Барух) Вячеслав Петрович
член-корреспондент Академии экосоциальных технологий
старший научный сотрудник

*И таки пусть всё у вас идёт как по маслу, а
проблемы горят огнём!*

Декларация нравственной политики

1. Декларация задаёт нравственное координирующее начало национальной и международной политике государств-участников ООН.

2. Нравственность – безвредное и созидательное поведение человека по отношению к самому себе и другим людям.

3. Созидание – общественно-полезная деятельность, в ходе которой человек отдаёт другим больше, чем получает взамен.

4. Международное движение «Нравственная солидарность» – это открытая платформа для глобального социального, экономического и финансового сотрудничества, консолидированного идеей нравственного пути человечества.

5. Нравственный путь человечества – безвредная и созидательная деятельность людей друг для друга и среды обитания, совместное обсуждение и исполнение принятых решений.

6. Создание и поддержание нравственной атмосферы на планете Земля является важнейшим условием развития глобального сотрудничества.

7. Безнравственная политика – процесс распределения общественных благ и ресурсов, при котором обществу наносится вред, разрушаются социальные, физические и биологические основы жизни человека. Возникает неравенство. Безнравственная политика приводит к социальной катастрофе.

8. Нравственная политика – это такое распределение общественных благ и ресурсов, при котором не причиняется вред людям и среде обитания, обеспечивается занятость и созидательная деятельность граждан, их прямое участие в обсуждении, оценке и исполнении социально-значимых решений.

9. Социальная фильтрация – процедура групповой, коллективной и массовой оценки нравственности и профессионального соответствия кадров, служащая обоснованием адекватных кадровых решений. Направлена на обеспечение устойчивости и надёжности системы государственного управления и местного самоуправления. Осуществляется для защиты всех народов мира от вызовов и угроз безопасности.

10. Нравственная политика поддерживается правом и дискурсивно-оценочным процессом. Граждане принимают участие в обсуждении и оценке решений по распределению общественных благ. Так создаётся условие доверия органам государственной и муниципальной власти. У руководства страны возникает нравственное превосходство. Такая власть одерживает победы во всех видах противоборств. Нравственное превосходство, основанное на вовлечении общества в самоуправление и открытое распределение общественных благ, предоставляет каждому подлинную

свободу, восстанавливает справедливость, обеспечивает легитимное благосостояние (богатство) граждан.

11. Нравственная политика становится мягкой силой государства и общества, которая гарантирует их безопасность и развитие. Мягкая сила нравственного государства и общества в виде свободных и богатых граждан, блага которых защищены таким государством, приходит на смену летальным войнам.

12. В условиях неотвратимости конфликтных ситуаций нравственная политика направлена на формирование гуманного нелетального противоборства конфликтующих сторон.

13. Нравственная политика как источник национального и международного права, обеспечивает экологию социальных отношений в обществе и государстве.

14. Нравственная политика осуществляется через государственную политику и общественное самоуправление, обеспечивающие поддержку и ответственность в отношении нравственных или безнравственных деяний граждан и организаций.

Нравственную политику могут принимать как технологию политической практики и руководство к действию политики и граждане всех стран международного сообщества.

Декларация нравственной политики задаёт этические нормы, необходимые для глобального сотрудничества государствам-участникам ООН: не вредить и созидать, всё вместе обсуждать, оценивать и исполнять.

Данные для цитирования:

Декларация нравственной политики от 25 ноября 2024 года / Международное движение «Нравственная солидарность», Санкт-Петербург, 2024.

Декларация поддержана Израильским отделением Академии экосоциальных технологий (ИО АЭСТ) и рекомендована всем политикам мира.

Руководитель ИО АЭСТ
Яковлев Валерий Павлович
академик Академии экосоциальных технологий
доцент Института нравственной культуры
старший научный сотрудник